

Илья Тамигин
Телевизор по имени Васька

Фантастические повести

Илья Тамигин

**Телевизор по имени Васька.
Фантастические повести**

«Издательские решения»

Тамигин И.

Телевизор по имени Васька. Фантастические повести /
И. Тамигин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901016-2

Кот-телевизор, показывающий передачи из будущего! Битва Ильи Муромца с Гераклом! Водочное дерево! Таинственный реактор искажения времени! Тайна телевизора тёти Дуси! Волшебный конь Сивка-Бурка в салоне красоты и дамы, стоящие в очереди, чтобы пролезть в его ухо! Скатерть-самобранка для народа! Серебряное блюдечко, по которому катится заграничное яблочко! Уникальный метод изучения английского языка! Всё это (и не только!) Читатель найдет на страницах этого сборника фантастических повестей!

ISBN 978-5-44-901016-2

© Тамигин И.
© Издательские решения

Содержание

Телевизор по имени Васька	6
От автора	6
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	16
Глава пятая	18
Глава шестая	20
Глава седьмая	23
Глава восьмая	26
Глава девятая	29
Глава десятая	31
Глава одиннадцатая	34
Эпилог	35
Англичанка	36
От автора	36
Глава первая	37
Глава вторая	39
Глава третья	42
Глава четвертая	45
Глава пятая	47
Глава шестая	48
Глава седьмая	50
Глава восьмая	53
Глава девятая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Телевизор по имени Васька Фантастические повести

Илья Тамигин

© Илья Тамигин, 2017

ISBN 978-5-4490-1016-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Телевизор по имени Васька

Мой кот, как радиоприемник, зелёным глазом ловит мир...
А. Вознесенский

*...настоящий друг, на мой взгляд, это тот, на кого вы можете
положиться... вплоть до его последнего доллара, честного слова или
лжесвидетельства, последней пули в его винчестере, последней капли
крови в его жилах.*
О. Генри, «На помощь, друг!»

От автора

Все действующие лица, географические названия и события, а также синий цвет, есть вымысел Автора. Кое-что, тем не менее, списано с реальной жизни. Если кто-нибудь заметит сходство, то пусть пеняет на себя!

Глава первая

Изображение было нечетким, двоилось, и лиловолицый диктор, желтея на глазах, переходил с баса на визгливый фальцет.

– Ширится борьба трудящихся в странах капитала. Рабочие-горняки и водители автобусов в Чили вышли на улицы протестуя...

Семен крутанул ухо кота Васьки, выводя его из транса, и выругался. Стабилизация сигнала никак не хотела устанавливаться. Сигнал «плавал». Василий спрыгнул с верстака на пол и хрипло завопил, требуя жрать. Справедливо, энергии он много потерял за время сеанса. Семен достал из холодильника пару размороженных спинок минтая и положил в миску. Кот, прижав уши, заурчал над любимым деликатесом. Хозяин, прихлебывая остывший чай, отвернулся к карте 12-той хромосомы. Если вот эту группу генов сюда... а здесь – вот так... Печень, все дело в печени! Она и фильтр, и усилитель. А значит: все на борьбу за здоровую, мощную кошачью печень! От мудрых мыслей оторвал кот – он уже поел, и теперь просил водички. Семен налил ему раствор Рингера с витамином Бэ 12. Васька понюхал и поморщился.

– Знаю, невкусно! Но, надо, Вася! – погладил его по спинке Семен.

Тот покосился зеленым глазом, вздохнул, и принялся лакать.

Зазвонил разбитый телефон. Сеня, спотыкаясь о разбросанные по полу книги и провода, подбежал и взял трубку:

– Вахтер Штюрмер у аппарата... Ой, я слушаю!

– Сёмка? Привет! Это я, Серега! Я тут у вас в командировке. Дай, думаю, позвоню! Ты не занят?

– Для тебя – нет! Ты надолго? Встретиться надо, сколько лет, сколько зим!

– Надо! Я сейчас подъеду. Будь начеку, вахтер!

Через полчаса Сергей приехал. Он учился с Семеном в одном классе, затем в одной группе, был его лучшим другом, но после универа их пути разошлись. Семен поступил в аспирантуру в НИИ Связи, Сергей же получил распределение в почтовый ящик где-то под Москвой. Виделись они редко, раз в несколько лет, но дружбы не прерывали.

После объятий и гулких хлопков по спине, Сергей предложил:

– Ну, что, Сёма, пойдем куда-нибудь, отметим встречу?

– Да я... это... – Семен мучительно покраснел. Денег до зарплаты оставалось всего два рубля, а надо было ещё купить коту рыбы, а себе – пачку Беломора, без которого творческий процесс увядал на корню.

– Что, интеллигенция, денежков нетути? – засмеялся сразу все понявший друг, – Не бойсь, я угощаю!

Семен, обрадовавшись счастливому разрешению проблемы, надел пиджак с нашитыми на локтях кожаными заплатами, и они вышли в подъезд. Уже закрывая дверь, он вспомнил про кота и выпустил его погулять.

– Ну и зверюга у тебя! Шустрый, видать, по кошкам побежал!

– Да, он такой! – гордо подтвердил Сеня, запирая дверь.

– А что не кастрируешь? Ведь, поди, орет по весне?

– Нельзя, это, брат, кот особенный!

На ресторане «Азов», как всегда, висела монументальная табличка с надписью золотом по черному: «Мест нет». У дверей заведения безнадежно топталось народу скопление, желающее культурно провести время. Время от времени кто-нибудь начинал качать права. Но усатый швейцар, как говорится, на страже стоял боевым кораблем и никого не впускал.

Однако, когда Сергей, протиснувшись сквозь толпу, показал ему красную книжечку, сразу открыл дверь. Наши друзья прошли в зал. За спиной швейцар отругивался:

– Осади, тебе говорят! Мало ли, кого впустил! Товарищи, может, вообще из органов! Осади, а то в лоб!

Толпа разочарованно притихла.

В зале их встретил метрдотель в потертом и засаленном смокинге. Ему Сергей ничего показывать не стал. Просто приказал, солидно и властно:

– Нам столик на двоих!

Мэтр, сразу угадав, с кем имеет дело, посадил их за столик в углу, сняв с него табличку «Занято».

– Ух, здорово ты их! – восхитился Семен.

Сергей только улыбнулся.

Подошла официантка в грязноватом переднике:

– Что закажем, граждане?

– Нам, для начала, бутылочку водочки и бутылочку коньячку! И пару пива! – хором ответили они и засмеялись, вспомнив фильм «Бриллиантовая Рука».

– А кушать что будете?

– А вот её, родимую, и будем кушать! Шучу! Пару салатов, горячее... Селедочки с лучком обязательно... Ну, все, как положено быть! И хлеба побольше!

Малое время спустя официантка брякнула на стол заказанное.

– Эх, сладка водочка, да чашуйчата селедочка! Вот и жизнь хороша, вот и смерть не страшна! – воскликнул Серега и накатил по фужеру, – Ну, махнем за встречу! Давно я тебя, Штюрмера эдакого, не видел, не слышал, не осязал, не обонял!

– Обоюдно!

Врезали по первой.

– Рассказывай, Сёма! Где ты, как ты, чем ты, с кем ты?

– Я нынче старшим лаборантом в своем НИИ. Жду вакансии младшего научного. Вахтером подрабатываю на стадионе. Диссертуху ковыряю помаленьку.

– Погоди-погоди! Между первой и второй перерывчик... как там дальше?

– Стремится к нулю!

– Правильно! Вот и давай, рюмочку за маму!

– Мама умерла в прошлом году, Сережа.

– О, старик, извини, я не знал. Отчего?

– Сердце...

– Ну, тогда не чокаясь, за ушедших. Мои ведь, тоже уже там.

Выпили, помолчали.

– Так ты бобыль, что ли? Так и не женился?

– Ага, холостякую. А ты, Серж?

– А я со своей пока живу, да не знаю, надолго ли. Командировки, командировки... Она ворчит, психует... А с той, черненькой, забыл, как звали... у тебя не сложилось?

Семен вспомнил отдых в Крыму три года назад. Они с Сергеем познакомились с двумя подругами. Одна из них, Татьяна, приехала из Семипалатинска 7 – одного из ядерных полигонов СССР. Она и запала на Семена.

– Смотри, старик, там у них радиация, мало ли что! – шутил Сергей, развешивая вечером сушиться плавки и полотенца.

Курортный роман катился по накатанной колее. Вкусное крымское вино, кино под открытым небом, ночные купания в светящемся фосфором море...

Однажды Семен не рассчитал и принял на грудь портвейна больше, чем обычно. Когда Сергей пришел вечером со свидания, то увидел в их лачуге крепко спящего друга. Коварно он

наловил светлячков, стянул с Семена трусы, и, намазав ему енто место мёдом, налепил туда два десятка светящихся жучков. После этого принялся переливать воду из стакана в стакан, предварительно вернув трусы в исходное положение. Друг вскоре проснулся и побрел в сортир. Через несколько секунд оттуда раздался леденящий душу вопль, заставивший содрогнуться всех дикарей их хозяйки тети Маши – 32 человечка, между прочим! Потрясенные жильцы, решившие, что произошло нечто вроде пожара или землетрясения, повыскакивали из своих лачуг, хижин и шалашей чтобы узреть Сёму с трусами на щиколотках, яростно бьющего себя по паху, в котором радостно сияли приклеенные светляки. Сергей, от смеха чуть не лопнув пополам, едва смог выговорить:

– Радиоактивные мандавошки! А я ведь предупреждал!

Семен долго гонялся за ним с поленом...

Сейчас он улыбнулся, вспомнив эту историю.

– Нет, не сложилось! Приезжала два раза, даже пожила пару месяцев... Не сошлись, в общем, характерами!

– Ну, это понятно... А работаешь над чем?

– На работе – ни над ничем особенным, обеспечиваю проведение опытов старшим товарищам. Дома работаю над диссером. У меня тема: «Телекоммуникативные способности млекопитающих и их развитие».

– Интересно! И как это выглядит?

– Я своего кота Ваську подверг генной модификации. Теперь он принимает все каналы центрального телевидения, – скромно поведал Сеня.

– Иди ты! А смотреть как?

– Смотреть с сетчатки глаз, через специальные очки. Звук – непосредственно гортанью воспроизводит. Искажает, конечно.

Сергей потрясенно уставился на друга.

– Ну, ты даешь, старый! Давай-ка, за тебя и твою светлую головушку!

Выпили. Покурили.

– А наоборот твой кот может?

– Как это, наоборот?

– Ну, это... транслировать то, что видит?

– Может, только кошки смотрят не так, как люди. Странноватая картинка получается.

– А запомнить и потом воспроизвести?

– Может...

Он ещё порассказывал другу Сереге о трудностях отладки, о дороговизне материалов и препаратов, которые приходится покупать за свой счет...

К столику подошла корпусная дама в тесноватом платье с глубоким вырезом.

– Симпатичный мужчина! Разрешите Вас пригласить на Белый танец? – вежливо обратилась она к Сергею.

– С удовольствием! – согласился тот, вставая и подавая ей руку.

Семен смотрел, как они танцуют. Оркестрик на эстраде исполнял шлягер «Там, где клён шумит над речной волной». Дама явно знала, чего хочет, и, млея, висла на статном Сереге. С ними было все ясно. Налил себе фужер коньяку, выпил залпом. Вспомнилась собственная неуклюжесть с женщинами. Вот, хоть в прошлом году, на картошке, ухаживал за одной подругой с мясокомбината, два дня вроде все шло хорошо, а на третий вечер увидел её с Сашкой из соседнего отдела. Когда, улучив удобный момент, спросил её, в чем дело, то получил прямой ответ, что вздохи-прогулки-цветочки конечно, хорошо, но ей мужик нужен сейчас и сразу, ибо она от семьи всего на неделю вырвалась!

Тут он, вроде как, отвлекся, потому что услышал над собой голос официантки:

– Мущина, дайте-ка я салат на свежий перемену, а то в этом мордой лица лежать неудобно!

Подошел Сергей, присел рядом, приобнял за плечи, зашептал:

– Слышь, старик, сворачиваемся! Я такой кадр склеил! Сам-то до дому дойдешь? Ну, завтра позвонимся!

Семён, покачиваясь, вышел из ресторана и побрёл в пространство. Через несколько минут прилег отдохнуть...

Открыв глаза, Семен с удивлением увидел себя в комнате с казенной мебелью и стенами, окрашенными в отвратный темно-зеленый цвет. У письменного стола за хлипким деревянным барьерчиком сидел милицкий сержант. Другой сержант нависал над его, Семена, организмом и шарил по карманам.

– Штюрмер, Семен Витальевич? – задал вопрос тот, что за столом, держа в руках пропуск в институт.

– Аз есмь... – гордо отвечивал наш герой.

– Ты чё бормочешь? Нерусский, что ли?

– Н-никак нет, русский я! Это барин, Фон Штюрмер, в раннее время, когда с нашей деревни мужиков на оброк отпускал, то всем паспорт выписывал на свою фамилию, вот с тех пор... Штюрмеры мы, только без «фон».

– Так, ясно! А это чего? – сержант показал членский билет клуба «Сакура», где Семен занимался модным каратэ.

– Это... каратист я...

– Ишь ты! А ну, продемонстрируй!

Штюрмер без приставки фон подошел к барьерчику и, с криком КИЯ-Я!!! сломал его ребром ладони.

– А вот ещё могу...

– Нет-нет, достаточно!!!

– Тогда... Я пойду?

– Во-во, иди! Степаныч тебя проводит. Эй, Степаныч! Забирай клиента!

Вошел верзила в нечистом белом халате на голое тело.

– Так, по-быстрому, раздевайся до трусов! – грубо толкнул он Семена к вешалке.

– Осторожно, это каратист! – предупредил его, ухмыляясь, сержант.

– А? Угу... Это... раздевайтесь до трусов, пожалста, товарищ! Щас мы Вам душик организуем и кровать! – заворковал обескураженный Степаныч, опасливо косясь на Семена.

Сержанты ржали так, как будто им за это платили сдельно, по рублю за децибелл.

Глава вторая

Утром болела голова. Нет, не так! Утром голова болела по страшной силе! Казалось, что в мозг налили кислоты или расплавленного свинца, так жгло в висках и позади глаз. Веселый сержант вручил Семену квитанцию на 25 рублей, посоветовал оплатить в течение недели. Провел с ним беседу о вреде пьянства, процитировал материалы очередного съезда КПСС о борьбе с алкоголизмом. И, что совсем уныло, посулил телегу на работу. На этой, скажем прямо, не шибко радостной ноте, гражданин Штюрмер покинул гостеприимные стены трезвяка.

Очутившись на улице, обшарил карманы. Документы и ключи были на месте, но два рубля исчезли бесследно. Остался только пятак. Поразмыслив над таинственной пропажей двушника, и не вспомнив, где потратил, Семен решил позвонить Сереге. Разменяв пятак, бросил две копейки в щель телефона-автомата и накрутил диск. В трубке раздался сонный голос друга.

– Кто звонит в такая рань, может, сплю совсем ишшо?

– Аллë! Сережа! Я тут это... в трезвяк попал... да... не знаю, что и делать. И денег нету, даже на автобус...

– Говори адрес, пьяница, сейчас приеду...

Через пятнадцать минут подкатило такси. Сергей, с бледным лицом и кругами под глазами, спросил:

– На тебе только пьянка? Правонарушений не допускал?

– Не...

– Ладно... Жди здесь!

Через десять минут он вышел обратно, рассматривая какие-то бумаги. Прочитав, одну протянул Семену, остальные порвал.

– Тебя здесь не было, штраф можешь не платить. А протокол возьми на память. Ты там смешное объяснение написал!

Трясущимися руками Сеня поднес к глазам протокол и прочел вслух строки, написанные собственным почерком: «Я, Сема Штюрмер, выпил много водки в ресторане Азов. По поводу. Почему сделался пьяный и валялся. Барьер сломал нечаянно. Потому что. Планы партии – планы народа! Обязуюсь и впредь. Вася не кормлен.»

– Тебе на работу к сколько? – спросил Сергей, отсмеявшись.

– К девяти...

– Тогда пошли в гадюшник, поправим здоровье добрым жигулевским пивком!

– А запах? На работе учуют!

– А ты думаешь, сейчас от тебя благорастворение воздуха исходит?

Гадюшником назывался в народе пивняк-автомат у метро, где за 20 копеек наливали 480 граммов пива. Всем на удивление, пиво здесь не разбавляли и стиральный порошок не подмешивали. Что же до санитарного состояния... Г-м, промолчим из деликатности, тем более, что бывает и хуже.

Протолкавшись сквозь толпу жаждущих, друзья взяли по первой кружке. Пиво потекло в пересохшее горло как нектар. Голове, да и всему организму мгновенно полегчало.

– Напиток богов! – благоговейно произнес Семен, рыгнув и вытерев пену с верхней губы.

– Угу! А помнишь, как ты морщился и говорил, что горькое?

Семен улыбнулся, вспоминая ту историю. Они, через пару дней после выпускного вечера в школе, погрузились с велосипедами и удочками на электричку – побыть на лоне природы, искупаться, покурить без оглядки на предков. Назад ехали своим ходом и крепко

притомились. В Кунцево решили устроить привал. Остановились около пивного бара, и Сергей спросил:

– А не выпить ли нам здесь пива пенного, чтоб выросла мускулатура обалденная?

Семе идея понравилась, но, тем не менее, он пропел ханжеским голосом:

– Мне взрослые дяденьки говорили, что от пива пиписька вырастет криво!

Вместе посмеявшись над этой народной мудростью, они вошли в пивбар. Народу было немного – всего-то человек пятнадцать. За прилавком, ловко жонглируя кружками у насоса, разливала пиво известная всему Кунцеву тётя Валя – здоровенная бабища в возрасте «ягодка опять». Её побаивались даже шофера-дальнобойщики, так как все знали, что у неё не задержится собственноручно вышвырнуть скандалиста, или опозорить так, что потом хоть из города беги. Но мальчишки были не местными и этих тонкостей не знали. Отстояв очередь, они взяли по кружке и сели за столик неподалеку, медля сделать первый глоток. Над стойкой висел плакат: «Требуйте долива пива после отстоя пены!». Друзья плакат прочли и решили воспользоваться своим неотъемлемым правом. Когда, минут через десять, пена осела полностью, они без очереди подошли к стойке.

– Повторить, что ль? – не глядя спросила Валентина, протягивая руку.

Пацаны переглянулись, и хором сказали:

– Тётъ, а тётъ! Пиво-то, долейте, пожалуйста!

В пивняке воцарилась гнетущая тишина. Буфетчица замерла, держа чью-то кружку под краном. Пиво полилось через край. Через секунду тетя Валя потрясла головой, как бы отгоняя морок.

– Что? – негромко спросила она, думая, не ослышалась ли.

– Да вот! Написано же! А у нас во: сантиметра два не хватает!

Она воззрилась на плакат, и, словно впервые в жизни, прочла его, шевеля губами. Затем растерянно пробормотала:

– Да, мальчишки, конечно, давайте долью...

И аккуратно долила обе кружки.

Кто-то неуверенно засмеялся. Все еще не могли охватить происходящее умами.

– Цыц, жеребцы! Не смей! Кто заржет, на улицу выкину! – произнесла тётя Валя тихо, но так крепко, что все снова замолкли.

– Первый раз? Нравится пиво, ребята? – обратилась она к нашим друзьям участливо.

– Горькое... – растерянно сказал Сёма.

– Привыкнешь! – грустно ответила королева пивного насоса и отвернулась.

Так в их жизнь, несколько неуклюже, вошла Первая Кружка Пива.

Поностальгировав и выпив ещё по одной – не пьянства ради окаянного, а здоровья для, и дабы не отвыкнуть, друзья разошлись, уговорившись встретиться вечером. Перед расставанием Сергей ссудил другу червонец.

Сеня, отживев от пива, поехал в свой НИИ.

Пройдя через проходную, где ехидная вахтерша Митрофановна не преминула сделать замечание за выхлоп, двинулся в свой отдел. Там женская часть коллектива наводила последние штрихи раскраски на лица и ногти, а мужская часть дружно курила, ибо сказано: рабочий день начинается с перекура. Покуриив с коллегами и выслушав бородатый анекдот про поручика Ржевского, наш герой сел просматривать почту, одновременно косясь на хорошенькую лаборантку Ниночку. Она его определенно отличала, и он надеялся развить их отношения, в смысле: поухаживать всерьез. Ниночка, в окружении трёх отдельных дам, делилась информацией:

– Я на аэробике познакомилась с женой дипломата, они во Франции пять лет прожили, так она мне подробно про макияж рассказала: как делать для мужа, как для ухажера...

– Что-что, делать? – вскинулась Анна Апполинарьевна, довольно миловидная дама постбальзаковского возраста и председатель месткома института.

За глаза её называли «Анапа». Была она ростом с правофлангового гренадера и формы имела, как статуя девушки с веслом.

– Да макияж!.. Еще объяснила, что есть вечерний, дневной и утренний варианты, как делать на пляже...

Анна Апполинарьевна покрылась красными пятнами. Её рот приоткрылся и обнажил три золотых зуба.

– ... когда гости – макияж особенный, ну а для начальника – тем более...

Анна Апполинарьевна вскочила. Её могучая грудь волновалась, как Черное море в марте.

– Да как ты можешь! А ещё комсомолка! При всех, на пляже?! При гостях?! Начальнику!? Какой цинизм! Нет, я понимаю, конечно, сексуальная революция и все такое, но это уж ни в какие ворота не лезет! Тлетворное влияние Запада! Разнузданная половая распущенность! Я допускаю, что с мужем... ну, или с любимым человеком, наверное, можно иногда и так, а не только обычным способом, особенно, если месячные, но наедине, дома, под одеялом! Но не на пляже или при гостях!

От таких речей бедная Ниночка побледнела и замерла, как птичка перед коброй.

– Простите... я... не понимаю...

– Анна Апполинарьевна, – вмешался Семен, потирая свой конопатый нос, – макияж – это искусство грима. Вы это слово с каким-то другим спутали! Тоже на букву Мэ начинается...

Лицо и шею Анапы залил совершенно свекольный румянец, и она раненой ланью выскочила за дверь. Ниночка икнула и благодарно посмотрела на своего спасителя. Так начался рабочий день.

Благоразумно избегая начальства, Семен зарылся в аппаратуру. Что-то паял, что-то разбирал и собирал обратно. В обеденный перерыв сбежал в Гастроном и купил рыбы для Васьки. Мысли же текли независимо, и к концу дня он придумал, как стабилизировать сигнал, сделать Васькино изображение и звук устойчивым. Но для этого нужен был этиловый спирт – граммов, эдак, триста. А спирта дома не было... Но советский человек всегда придумает выход из положения, особенно, если дело касается такого деликатного продукта, как спирт! Короче, в полшестого, вахтерша Митрофановна увидела его, пинающего через проходную ржавую консервную банку с загнутой, не до конца отрезанной крышкой. Банка была наполовину заполнена чем-то густым и черным, вроде смолы.

– Чо в карманах? Предъявь! И сумку! – бдительно приказала она.

Сеня предъявил пустые карманы и сумку с хеком для кота. Удовлетворенная Митрофановна пропустила «футболиста», проворчав вслед:

– Играются, как дети малые! Ишь, распиналси, интеллихент!

Допинав банку до угла, наш спортсмен аккуратно поднял её и положил в полиэтиленовый пакет, после чего сел на автобус в сторону дома.

Глава третья

Около двери, на коврике, маялся Василий. По нему было видно, что он тоже провел ночь, полную приключений. На спине не хватало приличного клок шерsti, левое ухо было слегка порвано. Увидев хозяина, да ещё с рыбой, кот приветственно заурчал и стал тереться о брюки.

– Вася! Не надо этого низкопоклонства и пресмыкания! – погладил его растроганный котовладелец.

Войдя в квартиру, Сеня первым делом положил в миску тушку уже оттаявшего хека. Сожрав корм в три глотка, удовлетворенный желудочно Васька улегся на спину, и стал играть собственным хвостом.

– Эй, поосторожней! Не повреди антенну! – прикрикнул на него хозяин.

Тут раздался звонок в дверь – это пришел Сергей.

– Вы нас не ждали? А мы припёрлись! – жизнерадостно гаркнул он.

– Подарок дай! – завопил в ответ Семен.

Это было их обычным ритуалом.

Гость вынул из портфеля две бутылки белого болгарского вина «Траминер».

– Во!

– Отлично! Отдохнем от пьянства! Пельмени будешь?

– Я буду всё!

– Тогда – на кухню!

Запивая пельмени сухоньким, Семен увлеченно рассказывал другу принцип устройства кота-телевизора.

– Смотри: сигнал поступает на антенну, в качестве которой выступает дистальный отдел спинного мозга, то-есть – хвост. Затем происходит развертка полученного сигнала в гениталиях, причем, чем выше половая потенция, тем качественней изображение. Затем сигнал идет на печень, для усиления и фильтрации помех. Ну, а потом – на сетчатку глаз, где палочки и колбочки создают картинку, и в гортань, для воспроизведения звука. Смотреть приходится через стерео очки. Всё, как видишь, просто! А ты, давеча говорил: кастрировать!

– Да-а! Беру свои слова обратно! Покажешь, как работает?

– Щас, поедим, покурим – и покажу.

Сеня встал и вынул консервную банку из пакета.

– Что это у тебя за гадость?

– Это не гадость, это я спиртику на работе скоммуниздил. По-другому, ведь, не достанешь, а мне для одной реакции нужно.

– А как ты вынес? У вас же строго?

– Налил в банку, жидким азотом заморозил, сверху гудрона плеснул для герметичности, чтоб не парило. Ну, и пинал банку через проходную!

Сергей хохотал так, что Семен сделал ему замечание:

– Смотри, не тужься сильно-то! Грыжа может быть!

Отсмеявшись, друзья пошли искать кота. Васька, удобно расположившись в кресле, сосредоточенно вылизывал мошонку.

– Интересно, почему коты яйца лижут? – задумчиво спросил Серега, попыхивая «Явой».

– Потому, что они это могут! – пожал плечами Сеня, стряхивая пепел беломорины в горшок с многострадальным фикусом, оставшимся сиротой после смерти хозяйки дома.

Докурив, наш изобретатель взял кота и специальными пассами ввел его в рабочее состояние. Положил осторожно на стол. Василий замер в позе сфинкса. Надев очки, хозяин

приблизил лицо вплотную к кошачьим глазам и слегка подвигал хвост, ловя сигнал, после чего протянул очки другу. Тот неуклюже разместил их на носу и стал смотреть. По первому каналу шли новости.

– Ничего себе! – вдруг воскликнул Сергей, – В Чили – военный переворот! Президентский дворец Ла Монеда взят штурмом! Луис Корвалан захвачен путчистами! Генерал Пиночет объявил себя диктатором!

Он сорвал очки. Семен быстро выключил кота, дернув за ухо, тревожно глянул на друга Серегу.

– Извини, Сема! Побегу! Сейчас весь Комитет на ушах стоит, а я, ведь, офицер связи!

– Да понятно... Счастливо тебе, не пропадай надолго!

– Ни за что! Кстати, меня в Москву переводят! Скоро!

– О, то есть бардзо добже! Звони!

– А то! Пока!

День подошел к концу. Прибравшись, и попереживав за Чили, Семен лег спать.

Васька, побряхтев, прикорнул в ногах. Приятное тепло хозяина разнежило его, и он завел свой мурлыкающий моторчик. Вскоре оба уснули.

Глава четвертая

Следующие несколько дней прошли в напряженной работе. Синтезировав необходимый препарат, Семен вводил его коту утром и вечером. Печень отвечала лучшей стабилизацией сигнала, изображение больше не двоилось и цвет не плавал. Оставалась проблема звука, но это уже чисто биомеханическая проблема, связанная со строением гортани. Нужно было опять нырять в дебри 12-й хромосомы и переставлять несколько комбинаций генов, но прежде обмозговать капитально.

– Мне хлеба не надо – работу давай!

– Мне солнца не надо – так партия светит!

Эти слова напевал под нос Семен, поспешая очередной раз на работу. Уже войдя в институт, он вспомнил: сегодня – политинформация! А сделать её должен был он, комсомолец Штюмер! Холодный пот ужаса выступил на его, как писали в старину, челе. Чувство безысходности парализовало его на миг, но исправить было уже ничего нельзя. Если он побежит в киоск за газетами, что бы хоть как-нибудь, косноязычно, зачитать выдержки из передовиц, то опоздает на работу и его грех усугубится. Решив отбрехаться, но на работу не опаздывать, наш горе-работник идеологического фронта открыл дверь и вошел в актовый зал. Весь НИИ Связи уже сидел там. Кто решал кроссворды, кто играл в карманные шахматы, кто вязал кофточку. В президиуме, за накрытым кумачом столом, сидел директор НИИ товарищ Беляев, его зам по АХЧ Смирнов, начальник отдела Убей-Волк, первоотделец Тихий и Анапа.

Смирнов встал и одернул перекрученный галстук.

– Что ж, уже время начинать мероприятие... Товарищи! Сегодня мы собрались, чтобы прослушать политинформацию о трагических событий в Чили, и выразить нашу дружескую поддержку братскому чилийскому народу и лично товарищу... э-э... Луису Корвалану, томящемуся в застенках кровавой хунты диктатора Пиночета. Докладает товарищ Штюмер.

Семен обреченно, как на эшафот, поднялся на сцену.

– Подождите! – громко заметил Беляев, – А где доклад, газеты, наконец? Вы, что же, на память будете читать?

Семену совсем поплохело.

– Я... это... ага!

Все посмотрели на него с подозрением.

– Ну, раз так... Начинайте! – с сомнением разрешил Смирнов.

Семен набрал полную грудь воздуха и... Ни единого слова не приходило на ум! Пауза затягивалась.

– Что же Вы, Штюмер? Вы, вообще, готовы докладывать?

Семен отрицательно потряс головой.

– Как!? – страшным голосом, гулким и рокочущим, аки сходящая с гор лавина, взорвался Беляев, – Вы! Не! Готовы! К политинформации!!!!??

– Я учил... – плачущим голосом промямлил Семен, отчетливо понимая, что он – мертвый политический труп.

– Учил – не устал, выучил – не узнал! – многозначительно бросил первоотделец Тихий, – На чью мельницу воду льёте, комсомолец Штюмер? Какую пищу даете врагам социализма?!

Сеня понял, что нужно срочно изобрести причину неготовности, иначе и из комсомола, и с работы погонят со свистом. Гениальная мысль молнией сверкнула в мозгу.

– Простите меня все! – он гулко ударил себя кулаком в грудь, – Учил, готовился, но выпил вчера лишку за здоровье чилийских патриотов, томящихся на Стадионе Смерти! И, спьяну, доклад потерял! – он покаянно повесил голову.

В зале воцарилась изумленная тишина.

– Что, правда, сильно зашибает? – шепотом спросил Тихий у Убей-Волка.

– Бывает... На той неделе, мне докладывали, с запахом на работу пришел.

– Точно! – подтвердила Анапа.

– А, работник-то, хороший?

– Золотые руки! – вздохнул Убей-Волк, – На нем весь отдел держится.

Пьющий Смирнов, выслушав все это сочувственно, снова встал.

– Предлагаю рассмотреть вопрос о случайном срыве политинформации на открытом комсомольском собрании, которое мы сейчас и проведем. Кто за? Единогласно!

Услышав выражение «случайный срыв», Сеня понял, что его хитрость сработала, и он ещё поживет. Главное – раскаться и разжалобить. А пьяницам сходит с рук то, что трезвенникам – никогда! И точно! Комсомольское собрание постановило объявить ему строгий выговор с занесением в учетную карточку. И всё!

После собрания его позвал к себе в кабинет Убей-Волк.

– Значит, так, Семчик! По комсомольской линии тебя наказали мягко. Не спорь!

– Да я...

– Есть мнение наказать тебя и по административной линии. Не спорь!

– Я... это...

– Поедешь вне очереди на картошку, на два срока – раз! Отпуск твой переносится на март месяц – два! Отбираю разрешение на совместительство – три!

– Иван Палыч! Жить не на что будет!

– Ладно, третий пункт снимаю. Иди, работай! Только осторожно, а то, помнишь стих:

С похмелья тряслися у мастера руки.

Паяльник упал ему прямо на брюки.

И жареным членом запахло вокруг:

Женщина мастеру больше не друг!

Нам только производственного травматизма не хватало! И вообще: ну, выпил литр, ну – два, ну, ещё стакан... Но, напиваться-то, зачем?

Семен двинулся к двери.

– Да, ещё вот что! От тебя, вроде, и не пахнет. Чем зажевываешь?

– Кофейными зернами, Иван Палыч, лучше всего!

– Да где ж ты их берешь-то? – изумился начальник, – Кофе уже год нигде нет в продаже!

– От мамы осталось. А я кофе не пью.

– А-а... Тогда... г-м... принеси мне... немножко.

– Есть!

И Семен вышел, радуясь, что легко отделался.

Глава пятая

Через несколько дней поехали на картошку. Сеня взял с собой кота – не с кем было оставить. Василий был счастлив: новые кошки, новые спарринг-партнеры, сафари, в смысле, охота на крыс! Под влиянием вводимых препаратов он сильно поправился, ибо жрал в три горла. Соперников среди местных котов ему не было.

Семен добросовестно грузил мешки с картошкой и ещё калымил по вечерам с другими мужиками: строил свинарник, за который председатель обещал заплатить аккордно. Приходилось поддерживать репутацию раскаявшегося пьяницы: когда по вечерам все собирались за бутылкой, не отказывался, но выпивал самую малость. В результате все уважали его за крепость характера.

Месяц пролетел быстро. Домой Семен возвращался с чувством глубокого удовлетворения. А что? Денег заработал неплохо, подышал свежим воздухом, грибов насобирал, порыбачил – надо же чем-то кота кормить! Да ещё и на работе зарплату полностью получит! Василий тоже был доволен деревенской жизнью: всех котов победил, всех кошек огулял! Но хотелось домой: он скучал по хеку и минтаю.

Приехавши в Москву, первым делом занялись гигиеной: человек подстригся, сбрил бороду и сходил в баню. Кота же подвергли процедуре выведения блох. Васька чихал и укоризненно мяукал, но не сопротивлялся. Вечером Семен проверил способность Васьки к воспроизведению телепередач. И картинка и звук были устойчиво хорошими. Организм полностью перестроился. Довольно потеряв мозолистые ладони, Сеня до глубокой ночи записывал результаты в журнал.

На следующий день, пришедши на работу, он, не без приятности, понял, что Ниночка по нему скучала. Развивая успех, пригласил её вечером в кафе, отметить возвращение. Ниночка пожеманилась немного, но согласилась.

Убей-Волк встретил его с улыбкой.

– Вернулся? Вот хорошо! А то, чуть не половина опытов без тебя встала. И отзывы о твоём поведении самые положительные: не пил, говорят, совсем, стопку-другую – и всё! Молодец! Зайди в местком, тебя Ана... Анна Апполинарьевна видеть хотела.

Зашел в местком. Анапа сидела за столом в гипюровой блузке и с новомодной причёской «Сэссун».

– Здравствуйте, Анна Апполинарьевна! Как Вы хорошо выглядите!

– Здравствуйте, Штюрмер! Похорошел... загорел, – грудным контральто проворковала предместкома, – Профсоюзные взносы за четыре месяца будем платить?

Что-то в её интонации и взгляде насторожило Сеню.

– Да, конечно, я как раз при деньгах...

Он вынул бумажник и отсчитал деньги. Передавая купюры, он, случайно, уронил трешку на стол. Они одновременно наклонились за ней, и рука Сени оказалась на обширном бюсте председателя месткома. Продолжая начатое движение, он сжал пальцы. Грудь под рукой была теплая и упругая. Покраснев, отдернул руку, но было уже поздно. Глаза Анапы засверкали сверхновыми звёздами, щёки заалели. Она, часто дыша носом и раздувая ноздри, прерывистым голосом прошептала:

– Что ж ты дверь-то не запер, миленький?

И, одним прыжком оказавшись у двери, заперла её на два оборота. Затем подступила к Семену вплотную и, мощно обняв его, надолго приникла к его губам своим жадным ртом. Язык, длинный и скользкий, проник едва не до гортани, и принялся гулять туда-сюда, мягко и возбуждающе щекоча десны и нёбо. Наш герой стоял ни жив, ни мертв от неожиданности, не представляя, что делать, и чувствуя себя юной гимназисткой в похотливых лапах

поручика Ржевского. Вырваться и убежать? Невозможно, дверь заперта. Поддаться неизбежному? Но разница в возрасте в пятнадцать лет... Всё было уже решено за него. Анна Апполинарьевна, ухнув, подхватила его на руки и почти швырнула на покрытый красным сукном стол заседаний.

– Сейчас, сейчас! – нежно мурлыкала она, срывая с него брюки и трусы, – О-о! Какой ты, большой и прекрасный!

Рванув блузку так, что пуговицы порскнули куда попало, освободилась от лифчика, и, обнажив большую, но приятной формы, грудь, сунула сосок в рот распростертому на столе Сене. Судорога оргазма сотрясла её крепкое тело.

– О-о-о! Что ты со мной делаешь, бесстыдник! – едва не крикнула она.

Затем жарко зашептала в ухо:

– Сейчас я тебе, развратник, сделаю то самое, на букву Мэ! Никогда не делала раньше, но мечтаю с тех пор, как ты меня научил!

«Я научил!? Когда?!» – успел удивиться Семён.

И предместкома, не мешкая, приступила к процессу. Семён опустил руки, и правая попала на талию. Не прерывая возвратно-поступательных движений головой, Анапа растянула молнию и уронила на пол юбку. Затем передвинула его ладонь на круглую и крепкую, как ядро, ягодицу. Это подхлестнуло её и, издав сдавленное рычание, она одним прыжком оседлала беспомощного мужчину. Члена профсоюза Штюрмера, не смеющего и пикнуть, употребляли и так, и эдак, в самых разных позах и комбинациях, в течение почти часа. К чести его, надо признать, что соответствовать ненасытной партнерше он смог. Когда, уже одетый, Семен собрался покинуть гнездо разврата, сиречь местком, Анна Апполинарьевна снова приступила к нему вплотную и потребовала:

– А теперь дай мне десять рублей!

– З-зачем?

– Хочу почувствовать себя проституткой! – мечтательно закатив глаза, ответила она.

Пришлось дать, куда же деваться? Картинно подняв подол юбки, Анапа засунула червонец в чулок и облизнула припухшие губы.

В этот момент в дверь постучали. Он отпер дверь, обрадовавшись избавлению из плена. Вошел Саша Ерохин из пятой лаборатории. Знаком приказав ему сесть, предместкома, как ни в чем не бывало, предложила:

– Заходите к нам ещё, товарищ Штюрмер! Вы мне очень сегодня помогли!

Выйдя в коридор на подгибающихся от слабости ногах, Семен обернулся и прочитал лозунг над дверью: «Профсоюзы – школа Коммунизма!». М-да-а...

Рабочий день прошел, как в угаре. Дел за время отсутствия накопилось много, трудиться пришлось не разгибая спины. Вдруг вспомнилось, что вечером ещё встреча с Ниночкой. Поразмыслив, решил события не форсировать, ограничиться, типа, старомодным платоническим ухаживанием.

Глава шестая

Вечером забежал домой принять душ и переодеться перед свиданием. Василий, вышедший в прихожую встречать, моментально учуял, что хозяин сегодня огулял самку, и порадовался за него, выразив это в сложном колбасении на спине по коврику и хриплых воплях. Почесав ему пузо и потрепав за уши, Семен накормил друга любимым хеком и ушел в ванную приводить себя в порядок. Стоя под душем, выдавил на ладонь шампунь. Вспенил, показалось мало. С закрытыми глазами пошарил по полочке, добавил. Решив не смывать сразу, прошелся мочалкой по телу. Постояв под душем ещё немного, вытерся и вышел в комнату. Кот с испуганным мявом шархнул в сторону и запрыгнул на шкаф. Не обратив на это внимания и быстро одевшись, Сеня выскочил из квартиры, на ощупь причесался на ходу. К месту встречи успел вовремя, закурил и стал ждать. Ниночка опоздала на пятнадцать минут. Она приближалась, но явно не видела его, а смотрела по сторонам, находясь всего в трех метрах.

– Нина! – окликнул он её.

Она обернулась и вскрикнула. Глаза её округлились, правая рука прикрыла изумленно разинутый рот.

– Это ты... Вы... почему?

Семен настороженно осмотрел себя. Все было в порядке, молния на брюках застегнута, шнурки завязаны.

– Что-то не так? – растерянно развел он руками.

– Да вот же, волосы! Зачем ты их в такой цвет?

Догадавшись по его лицу, что понимания ситуации нет, Нина достала из сумочки зеркальце и протянула Сене. Увидев своё отражение, парень глухо застонал: волосы, только вчера подстриженные в парикмахерской за кровные пятьдесят копеек, стали разноцветными! Спереди и справа они были рыжеватые, как и раньше, но слегка ударяли в кокетливую розовинку. Зато вся левая сторона и затылок были сине-зелено-черного, с металлическим блеском, цвета – как брюшко у навозной мухи!

– Ничего себе, помыл головушку... – прошептал наш герой-любовник, убитый в самую середину.

Ниночка уже смеялась серебристым рассыпчатым смехом. Отхохотав и промокнув аккуратно платочком подведенные глаза, девушка решительно заявила:

– С такими волосами в Советской России жить не рекомендуется! (Она явно знала классику!) Пойдем домой, товарищ кавалер!

Придя к Семену, она обследовала ванную и выяснила, что в результате взаимодействия шампуня «Ромашка» с просроченной, ещё маминой, краской для волос и возник неожиданный эффект полихроматизма волос. Попытались отмыть, но безуспешно.

– Придется брить! – загрустил Сеня.

– Я помогу! – отзывчиво улыбнулась Нина.

Как писали те же классики: страдания человека, которому бреют голову безопасной бритвой, невыносимы. По окончании пытки горе-ухажер помотрелся в зеркало и провел по черепу пальцами. Видуха была ещё та...

– А мне нравится! – вдруг затенчиво протянула Ниночка, и нежно царапнула его ногтями пониже затылка. Потом она царапнула его по голой груди (Сеня был голый по пояс) уже более игриво. В следующий момент они слились в сладком-пресладком поцелуе. Её губы пахли свежим ветром, весенним дождём, яблоками и молодостью. Этот поцелуй не имел ничего общего с вулканически страстным, крепким, как портвейн «Агдам», поцелуем Анны Апполинарьевны. Его хотелось пить, как родниковую воду. Не прерываясь, Семен осто-

рожно обнял девушку. Она доверчиво приникла к нему. Глаза её были прикрыты длинными ресницами, правая бровь трогательно изогнулась. Под руками двигалось и дышало нежное молодое тело. Быстро поняв по некоторым признакам, что развивать наступление сегодня не стоит, Сеня поцеловал милые губы ещё несколько раз и мягко отстранился. Нина, смущенно опустив взгляд, отвернулась поправить причёску.

– Всю помаду съел, бессовестный!

– Голодный, потому что! – весело ответил поедатель помады, сверкая бритым черепом, – Пойдем чай пить, с конфетами. Я замечательных конфет в деревне купил!

За чаем они много говорили о кино и литературе. Семен похвастался купленными в деревне книгами. Тогда в деревне часто можно было встретить вещи, недоступные горожанам, но (увы!) ненужные деревенским. Ниночка немедленно выпросила почитать «Чёрный Обелиск» Ремарка. Затем разговор естественным образом перешел на кота, который, поняв, что хозяин ухаживает за новой самкой, всячески старался помочь, принимая на ковре эффектные позы для смягчения её сердца.

– А мой кот ещё и телевизор! – похвастался Семен.

– Как это?

– Сейчас увидишь!

Быстро приведя Ваську в рабочее состояние, он протянул Нине очки:

– Смотри ему в глаза!

Девушка, наклонясь, взгляделась, и тут кот начал транслировать:

– Верещагин! Уходи с баркаса! (Шло «Белое Солнце Пустыни»).

Ниночка взвизгнула от восхищения и приникла к Ваське вплотную. Сеня довольно улыбался. Через несколько минут фильм закончился и началась программа «Время».

– Ой, что это? – вдруг вскрикнула Нина, но Семен уже и сам услышал:

– ...и Генеральный Секретарь ЦК КПСС, Юрий Владимирович Антропов...

Тут трансляция прервалась: кот достиг предела – пятнадцати минут, и самоотключился.

Потрясенные, они молча смотрели друг на друга. Представить жизнь без Брежнева они не могли – он всегда был в их жизни, с раннешкольного периода, и казался вечным. А тут...

– Нет, ты слышал?

– Слышал... Невероятно! Может, напутали что?

Сеня включил уродливое детище Симферопольского завода под гордым названием «Фотон». Тот загудел, разогревая лампы. Через полминуты диктор Игорь Кириллов возгласил с экрана:

– Сегодня в Кремле, под председательством Генерального Секретаря ЦК КПСС, товарища Леонида Ильича Брежнева, состоялось торжественное заседание...

– Точно, напутали! – облегченно прокомментировал Семен.

– Ох, будет им на орехи за такие ошибки! – так же облегченно рассмеялась Ниночка.

И они снова стали целоваться, не обращая больше внимания на бубнящий телик.

Около одиннадцати, проводив подругу до метро и вернувшись домой, Семен задумался. Программа «Время» шла всегда в записи, не в прямом эфире. А значит, такой невероятной ошибки-оговорки не могло быть! Но она, тем не менее, была! Они оба слышали, им не показалось! Почесав гладенький затылок, снова включил телевизор. Как раз начинались новости. Посмотрев с минуту, поймал и включил Василия. Всмотрелся и обмер: кот показывал тот же первый канал, но и диктор, и новости, были другими! Снова упомянули Антропова в качестве генсека... И число: в Васькиных новостях было 15 мая 1983 года. БУДУЩЕЕ!

В состоянии, близком к обмороку, Сеня выключил и живой и электрический телевизор. Ум отказывался понять произошедшее. Но, как ни верти, надо было что-то делать. Закурив и сожгя беломорину до «фабрики», он принял решение. Подошел к телефону и накрутил номер, данный ему Сергеем для самых экстренных случаев. После второго гудка ответил дежурный офицер КГБ.

– Вас слушают.

– Здравствуйте, моя фамилия – Штюмер. Мне необходимо срочно связаться с капитаном Трубецким-Белым, Сергеем Михайловичем... Да, я его информатор... Да, безотлагательно! Я буду у телефона.

Сергей позвонил через десять минут.

– Что случилось, Сёма? В такой час? – встревоженно спросил он, зная, что друг не станет использовать этот канал связи по пустякам.

– Слово и Дело! – почти крикнул Семен в трубку старинную формулу, – Срочно приезжай!

– Буду у тебя через два часа, – коротко ответил Сергей и, не задавая лишних вопросов, повесил трубку.

Глава седьмая

К приезду Сергея Семен подготовился основательно: зарядил цветной пленкой восьмимиллиметровую кинокамеру «Кварц 2М» и укрепил её на штативе, а также настроил на запись магнитофон «Комета». Покормил Ваську, хоть было и не время. Кот отказываться не стал, слопал и рыбку, и ломтик любительской колбасы с благодарностью. Благодарность он выразил, вскочив хозяину на плечо и деликатно куснув за ухо.

Сергей приехал только в два часа ночи.

– Во! Обрили уже!

– Да нет, это случайно вышло...

И Сеня рассказал другу историю с краской для волос.

Отсмеявшись, Сергей посерьезнел.

– Рассказывай по делу! – потребовал он коротко.

И слушал рассказ не прерывая.

– Антропов, говоришь... Ничего не напутал? Не преувеличил?

– Нет, что ты! Все рассказал, как было.

– С девочкой надо поговорить, чтоб помалкивала... Ну, это я утром, первым делом.

– Так ты мне веришь?

– Верю, Сёма, но проверю... Включи-ка аппарат!

Включили «Фотон», но в такой поздний час на экране была только настроечная таблица.

– Что ж, подождем до утра... А пока, давай съездим, второй телик привезем. И вторую кинокамеру с магнитофоном.

– Зачем?

– Затем! Поставишь кота в режим ретрансляции, чтобы через телик его смотреть. А другой телик – контрольный.

– Угу, так даже лучше будет! Вася дольше сможет в режиме ретрансляции работать. До двадцати минут!

Съездили за аппаратурой, установили.

– Вот ещё что, Сёма. Дело, как ты понимаешь, государственной важности. Заниматься им неофициально нельзя. Поэтому ты сейчас мне напишешь заявление о добровольном сотрудничестве с Комитетом. Я продиктую.

– Вербуешь, значит?

– Дурак! Нахрен мне тебя вербовать! Просто, я – лицо официальное, и наши с тобой отношения должны быть оформлены надлежащим образом. Ну, приду я к начальству с записями, а меня спросят – где взял? У Штюрмера? А кто такой – Штюрмер? А я им – вот, пожалуйста, внештатный сотрудник! Понял теперь?

– Понял, Сережа! Давай бумагу.

До шести утра не спали, болтали о разных пустяках. Вспомнили, как после второго курса пошли на танцы в деревенском клубе, и вынуждены были вдвоём, спина к спине драться с местной шпаной, вооруженной колами, ножами и кастетами. Под конец Семён упал с проломленной головой, но Серега, вырвав кол, отмахался. Потом, несмотря на три сломанных ребра и ножевую рану в бедре, тащил друга по грязи, в кромешной темноте, в райбольницу за восемь километров.

Вспомнили также, как Семен отдал все сбереженные на мотоцикл деньги – 900 рублей, когда Серега по-гусарски проиграл пароходным шулерам в покер деньги, собранные за подписку на газеты и журналы со всего факультета. Если б не внес на следующий день

те денежки в кассу, могли и посадить, а уж из универа выперли бы точно. Деньги Сергей отдавал потом три года, и Сеня мотоцикл так и не купил. Да, много в их жизни было всякого.

Часы на стене пробили шесть.

Друзья включили аппаратуру, Семен настроил кота на ретрансляцию на «Фотон».

И снова новости были разные. Васька транслировал их с упоминанием Антропова в качестве генсека, и число было из будущего – 16 мая 1983 года. Второй телик ловил с антенны обычные новости, и генсеком, конечно же, упоминался Леонид Ильич. И число было сегодняшнее.

Новости кончились, и они, выключив все, долго молча смотрели друг на друга. Васька бродил вокруг них кругами, и мямом требовал харч за ударный труд, но они не обращали на него внимания. Слишком серьезно было то, что они видели, слышали и записали.

– Дела-а... – протянул Сергей, закуривая.

Сеня вышел на кухню, и вскоре вернулся с чайником и рыбой для кота.

– Антропов, значит, – поднял на него глаза Сергей, – Ты понимаешь, как это важно? Юрий Владимирович порядок в стране наведет ого-го! Почище тридцать седьмого устроит. Ведь до чего дошло: во всех наших южных республиках, за деньги можно должность купить, хоть секретаря обкома, хоть прокурора республики. Взятки берут все, у всех и за все. Да, что говорить! В России и на Украине немногим лучше. Прогнило все. А Антропов не такой, я-то знаю! Ох, Сёма, пересажает он этих гадов, а кого и постреляет!

– И сразу все наладится?

– Не сразу, конечно. Нужно будет умных людей подобрать, на посты назначить. Ну, да, что сейчас об этом! Нам нужно материалу набрать побольше для анализа. Ты сиди дома и пиши передачи, сколько кот выдержит. Что нужно, чтоб он в форме был?

– Жратва, раствор глюкозы, раствор Рингера, витамины... Пожалуй, всё. Только как же я на работе объясню?

– Г-м... Возьмешь больничный, а там видно будет. С поликлиникой я лично договарюсь. А через три дня меня уже в Москву переводят, буду жить в родительской квартире. Тогда смогу тебя подменять... на боевом дежурстве. И помни: обо всем этом знаем только мы двое! Утечка информации недопустима, иначе не сносить нам головы. Враг не дремлет!

– Да понял я, понял!

– Хорошо, что понял. Давай коленку забинтую.

– Зачем?

– А доктор придет, спросит, что болит, а ты ему: поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся – коленка болит... и голова. Больничный на неделю сразу получишь. Да и доктор придет правильный, наш.

Вскоре Сергей ушел. Семен позвонил на работу, сообщил, что повредил колено и не может ходить, с неделю будет на больничном листе. Потом, со вздохом, уселся смотреть телевизор. Раньше полудня Василия включать было нельзя.

Пришедший из поликлиники доктор без проблем дал бюллетень на шесть дней, в графе «диагноз» написав: ушиб головы и растяжение связок коленного сустава.

В двенадцать часов смотрел и писал «альтернативные» новости. Показывали похороны Брежнева. Как замороженный, смотрел Сеня на длинную вереницу людей, идущих за гробом на лафете, несущих подушечки с наградами.

Вечером снова смотрел – время опять скакнуло, генсеком называли уже Константина Устиновича Черненко. 12 декабря 1984 года.

– Прямо не верится! – бормотал потрясенный Семен, – Выходит, Антропов совсем мало повластвовал, не успел, значит, порядок навести...

Васька, нажравшись хека так, что из горла торчало, орал – просился на улицу. У него на чердаке предполагалось randevu с симпатичной персиянкой, и ещё с одной, сиамкой,

у трансформаторной будки. Кроме того, намечались неплохие гладиаторские бои у помойки за гастрономом, пропустить – значило потерять авторитет. Семен выпустил его, строго наказав утром быть дома, не исчезать на три дня. Василий намек понял. Конечно, он к утру вернется, не сумлевайся, хозяин! Жрать-то, надо, а на улице не больно-то разживешься, разве что мышь или воробья поймашь! Василий охоту любил, но относился к ней как к спорту, жить охотой не приходило ему в голову. А жрать с помойки он брезговал.

Проводив кота, Семен закурил и позвонил Ниночке. Они поболтали немного. Ниночка жалела его ушибленный организм и обсуждала творчество Ремарка. Больной в кавычках Сеня млел от одного звука её голоса.

Потом позвонил Сергей.

– Ну, что? Развитие темы есть?

– Есть, и ещё какое неожиданное!

– Окей, завтра загляну. Когда – не знаю, после обеда, наверное. Как кот поживает?

– Ушел по кошкам. Вернется к утру, как жрать захочет.

– Э-хм, может, зря ты его отпустил? Подержал бы дома, а то вдруг, неровен час...

– Запрешь его, как же! Весь дом разнесет... Да ему и на пользу енто дело.

– Смотри, за кота отвечаешь. До завтра!

– Покеда!

Глава восьмая

Наутро, по-быстрому накормив и напоив вернувшегося Ваську, снова писал материал. Но, вместо новостей, кот транслировал кусок незнакомого фильма с голыми тётками и рекламу:

– Сникерс! Полон арахиса! Ты сыт и дово-олен! ... и толстый-толстый слой шоколада!

– Молочный шоколад «Дав» нежно-е-е шелка-а-а...

– Вот, Лёня Голубков купил акции «МММ»! Через месяц продал их обратно и заработал вдвое!

На экране персонаж с лицом дебила, отвисшей нижней губой и челкой, как у Гитлера, обалдевшим голосом произнес, прижимая к груди пачку денег:

– Куплю жене сапоги!

– Почему нет, Лёня? А!А!О!О!О!

Семен задумался. Время и число ни разу не показали. Когда советское телевидение докатится до того, чтобы спокойно показывать голых баб? И эта странная реклама... Может, в будущем уже нет советской власти? Фу, придет же в голову такое!

Двенадцатичасовой сеанс также ясности не прибавил. Насколько понял Сеня, показывали заседание Верховного Совета. Особенно запомнился некто Жириновский, кривший своих оппонентов отборным матом. Тоже вещь на советском телевидении невероятная! Число опять установить не удалось...

В час дня раздался звонок в дверь. Решив, что пришел Серега, открыл дверь, не спрашивая. На пороге стояла... Анна Апполинарьевна, собственной персоной.

– По поручению месткома! Проведать больного, передачу принесла! – радостно заявила она, протискиваясь в дверь с двумя тяжеленными сумками.

– Ну-с, что у нас болит? – ласково спросила предместкома, пройдя в комнату.

– Голова! – брякнул Семен растерянно.

– А почему повязка на ноге?

– Сползла... – ещё более растерянно пробормотал он, уже предчувствуя скорую атаку на свою нравственность.

Анапа не собиралась откладывать достижение своего женского счастья в долгий ящик.

– Бедненький! Сейчас Анечка пожалеет своего лапусика!

И, подхватив лапусика на руки, она, как писали в старинных романах, прижала его к своим персям и покрыла лобзаниями его уста, ланиты и чело. Процесс лобзания сильно возбудил председателя месткома. Перенеся возлюбленного на диван, она сорвала с него все, разоблачилась сама, и распространила поцелуйный процесс на остальное тело, особенно задержавшись на... ну, вы поняли. Затем она запрыгнула на лапусика и, стиснув коленями, помчалась вскачь, лихо вскрикивая при каждом оргазме. Родео, да и только!

Васька, лежа под диваном, тихо радовался за хозяина. Хорошая пришла самка, крупная! Удивляло немного, как они это делали, но это – люди, им виднее. Про себя кот твердо решил применить новую позу при первой же возможности.

Зажатый в могучем захвате, Сеня не мог ни протестовать, ни сопротивляться. Он снова положил руку на монументальную попу, ускорив этим процесс. Буквально за секунду до финала-апофеоза в комнату ввалился Серега, ибо дверь забыли запереть. Произошла немая сцена. Все замерли: Сергей у порога, на перекошенном диване Сеня и сверху – Анапа.

– Это... чевой-то... кто? – вылутился на Анапу обалдевший Сергей.

Посмотреть там было на что. Щедрое, короче, тело!

– Это... А-а... э-э...

Анапа зажала Семену рот ладонью.

– По вызову я, – кротко потупив глазки, заявила она, – Он меня за червонец снял.

– А-а! Понятно. Ну, вы тут заканчивайте, а я на кухне посижу, – облегченно выдохнул Сергей и вышел.

Анна Апполинарьевна всерьез хотела продолжать, но Сеня объяснил ей, что не сможет при постороннем человеке в соседней комнате. Дама разочарованно оделась и опять потребовала червонец. Сеня обреченно дал. В дверях кухни она задержалась, и войдя в роль, кокетливо спросила Сергея:

– Красивый мужчина, а Вы... не хотите? Всего червончик!

– Женатый я, – вежливо ответил тот, – Да и денег с собой столько нету.

– Жаль... А то, я и в кредит могу! Завтра отдадите!

– Нет, спасибо!

И предместкома ушла, рисуя бедрами восьмёрки.

– Ну, ты, старик, даешь! – воскликнул Серега, входя в комнату, – Какая женщина! Кустодиев, Рубенс и Ренуар в одном флаконе! Я таких больших боюсь! И где ты её только снял-то?

– Это не проститутка, это гораздо хуже! Это наша председатель месткома! – простонал Семен, осторожно поднимаясь с дивана и ощупывая себя на предмет сломанных ребер.

– Да ты што-о-о! А... как же... она мне... за червонец предлагала!?

– Она ко мне воспылала страстью, но хочет чувствовать себя проституткой, ну, фантазия у неё такая! Второй раз меня насилует! И всерьез каждый раз червонец берет, а мне это не по карману! – почти рыдал наш герой-любовник.

Сергей закатил глаза и, в жутких конвульсиях, рухнул на пол. На губах у него выступила пена. Потом, как лава из жерла вулкана, хлынул хохот.

Отсмеявшись, он спросил:

– Замужем она?

– Замужем, я видел, дядька лет шестидесяти, в Совмине служит.

– Значит, уже не может ничего, а женщина мучается! – задумчиво подытожил Сергей, закуривая, – Давай-ка, пообедаем, и расскажешь, что нового записал.

Около двери они наткнулись на сумки.

– Это она мне передачу принесла, от месткома, – растерянно объяснил Семён.

– А ну-ка, ну-ка... Нет, ты только посмотри! – потрясенно взвизгнул Сергей, выкладывая на стол один деликатес за другим, – Сервелат! Саями! Балык! Осетрина копченая, сёмга! Икра: черная и красная! Вобла! Вологодское масло, перепелиные яйца, копчёный угорь! Оливки, сыр, каперсы, карбонад! И это! – он вытащил на стол две бутылки крымского вина «Чёрный Доктор» и ещё две – муската.

– Глянь, ещё апельсины, бананы, ананас, виноград и персики! Кофе в зернах и две коробки конфет! – подхватил Сеня.

Оба замерли на секунду, потрясенные грандиозностью передачи, а затем хором рявкнули:

– Лопнем, но не дрогнем!

– Есть надо чаще, но помногу! – возвестил Сергей через полчаса, лениво прожевывая колбасу, на которую он намазал масло и положил кусок сыра.

Ел он без хлеба, утверждая, что бережет фигуру.

– Это точно! – подтвердил, сыто отдуваясь Семен, приканчивая огромную яичницу из перепелиных яиц.

– Ценный кадр, твоя предместкома! – похвалил Сергей.

Семен слегка побледнел, и ничего не ответил. Василий же занимался под столом глубоким сравнительным анализом сёмги, осетрины и угря. Все они, безусловно, уступали хеку. Впрочем, угорь... Ничего, жирненький. Сойдет!

За едой Сеня рассказал о виденном. Сергей нахмурился.

– Черненко, говоришь... Не, с этим каши не сваришь. Жалко, Юрий Владимирович недолго прожил!

Заинтересовал его рассказ о дебатах в Верховном Совете.

– Это надо вдумчиво изучить, там каждое слово важно. Ладно, давай отснятые пленки, я проявлю. И бобины магнитофонные тоже. Послезавтра я уже тебе компанию составлю, вместе смотреть будем. Три сеанса получается?

– Три. В шесть утра, в полдень и в шесть вечера. Чаше нельзя, заболает.

– Попробуем в другие часы, вдруг чего новое поймает... Все равно, ведь, время не совпадает?

– Ага, не всегда!

– Тогда я пошел... Конфискую у тебя кофе – ты его не пьешь, и коробку конфет: мне для своей благоверной надо, а то бесится последнее время.

– Ой, с дороною душою! Только горсточку кофе отсыплю, я начальнику обещал.

Глава девятая

А через пару дней друзья увидели репортаж о гражданской войне в Нагорном Карабахе. Сотни армян и азербайджанцев ранены, десятки убитых. Горящие дома. Бородатые мужики в полувоенной одежде, стреляющие из автоматов и гранатометов. Старуха в черном, прижимающая к груди голого мёртвого ребенка, вост, глядя в камеру огромными безумными глазами. Беженцы вереницей. Мелькнула пару раз фамилия нового генсека – Медынов.

Трясущимися руками Семен выключил аппаратуру и погладил очнувшегося Ваську. Тошнило, сердце колотилось отчаянно.

– Как же это, Сережа? – прошептал он растерянно.

Сергей ответил не сразу. Лицо его, бледное и враз осунувшееся, подергивалось.

– Тот, кто допустил это – преступник! – медленно процедил он наконец.

Встал, закурил. Предложил Семену «Яву». Тот отказался, закурил беломорину.

– Раньше этот Медынов не попадался?

– Нет, Сереж, первый раз.

– Тогда... смотрим дальше.

На следующий день они поймали часть передачи, в которой удалось хорошенько рассмотреть генсека. В окружении рабочих ВАЗа он выразил пожелание сделать Тольяттинский завод законодателем мировой автомобильной моды. Говорил без бумажки, увлеченно захлебываясь словами, плохим русским языком с сильным южным акцентом, неправильно ставя ударения и, вообще, путая слова.

– И это – новый правитель великой империи? – пробормотал Семен изумленно, – Такое ничтожество?

– Да уж, сразу видно курицу по полету, а добра молодца – по соплям! Такую чепуху порет! И, главное, стержня в нем нет, в слабake. Куда он страну заведет?

В последующие дни они увидели, как льётся кровь в Баку, Тбилиси и Вильнюсе. А Генеральный Секретарь ЦК КПСС, вместо того, чтобы срочно навести в стране порядок, разводил с экрана пухлыми ручками, и бормотал что-то о назначении специальной комиссии по примирению сторон.

Семен совсем впал в депрессию от всего виденного. Не помогали даже свидания с Ниночкой. Они встречались два раза, но он все время угрюмо молчал, не в силах выгнать из головы ужасы будущего. Ниночка обижалась, не понимая, в чём дело.

Анна Апполинарьевна уехала с мужем отдыхать в Пицунду, предварительно предприняв ещё одну атаку на Сенью, но он отбилсЯ, сославшись на обострение простатита.

Сергей смотрел и писал все полдневные сеансы, когда Семен был на работе, старался также не пропускать вечерние. За десять дней они накопили достаточно материала, чтобы, пусть и в общих чертах, представить, что будет происходить в стране до 1990 года. Некоторые вещи потрясали и заставляли сжиматься сердце от боли и гнева, некоторые изумляли до полного онемения, как, например, сюжет о частном предпринимателе Артёме Тарасове, заплатившем девяностo тысяч (!!!) рублей партийных взносов за месяц!

Сергей составил краткий конспект просмотренных событий, пытаясь выстроить их в хронологическом порядке. Общая ситуация, особенно после прихода к власти Медынова, была ужасная и безрадостная. Небольшая кучка прохиндеев лихорадочно обогащалась, воруя все, что плохо лежит, остальной народ стремительно нищал. Чудовищный разгул преступности, мафия, коррупция и инфляция, на фоне тлеющей пока по краям страны, но готовой вспыхнуть в любой момент в центре, гражданской войны, чёрными жирными штрихами дополняли картину. Все это называлось переходом к рыночной экономике.

– Возможно два пути развития событий, – объяснял другу Сергей вечером одиннадцатого дня, сидя на кухне за чаем, – Первый: будет полный распад страны и коллапс экономики. Возможно, кое-что уцелеет, но восстановление займет кучу времени. Второй: жесткая центральная власть, диктатура, прекращает все безобразия. Затем, тщательно и осторожно, не пуская ничего на самотек, проводит реформы, развивает частный сектор, возможно, денационализируя при этом некоторые предприятия и хозяйственные отрасли. Сельское хозяйство, например. Мужик страну накормит, не надо только ему мешать. До революции Россия всю Европу хлебом кормила.

– Но, ведь, если диктатура, кровищи будет море! – нерешительно возразил Семён.

– Сеня, во время хирургических операций всегда кровь. А если операцию не сделать, то будет мертвый гниющий труп, который и резать уже незачем, и воскресить невозможно!

Сергей помолчал, затем, пристально глядя другу в глаза, тихо произнес:

– Мы, благодаря Ваське, знаем будущее. Мы должны его изменить. Мы должны спасти страну. Ты и я.

Семен, не колеблясь, молча протянул руку. Сергей сжал её.

– Суетиться не будем. Время есть. Да, забыл тебе сказать: я послезавтра поступаю в Академию! Так что...

– А как ты... мы...

– Я, для начала, посмотрю, что можно на этого Медынова наковырять. Если что-то найду, то использую, если нет, то создам искусственно. Короче, его надо подставить. Капнуть нашим, заслать матерьяльчик в западную прессу. И не видать ему ЦК, как своих ушей!

– Умно. И... без крови.

– Хм, радикально мыслишь! Хотя, конечно, товарищ Сталин говорил: нет человека – нет проблемы. До этого, надеюсь, не дойдет. Я другого боюсь: этого устраним, а к власти придет другой, тоже с новым в кавычках мышлением.

– А, может, тут все дело в историческом процессе? Общественно-экономическое развитие не обойдешь и не обманешь... Страна-то у нас – насквозь искусственная! Все контролируется и регламентируется... Когда пахать, когда сеять – все по указке сверху. Сколько кофточек сшить и какого цвета – тоже. Все хотят джинсы носить, за контрабандные по две зарплаты платят, а промышленность не может обеспечить: ГОСТа на краситель с индиго нет! Все на зарплате, а делают дело, или нет, никого не волнует. Личная заинтересованность в производстве только на энтузиазме. Врачам, учителям, инженерам деньги платят смешные. Частное предпринимательство, которое есть самая рациональная вещь на свете, загнано в подполье... Да ты все сам знаешь! Вот и зрел гнойник, зрел, да и лопнул? Как в семнадцатом году, а?

– И это тоже, Сеня, и это тоже... Реформы нужны, но постепенные и осторожные. И одному человеку с этим не справиться. Но этот слизняк совершенно не годится Союзом управлять, тем более в такое трудное время. Согласен?

– Согласен!

Глава десятая

Утром двенадцатого дня Семен привычно настроил и включил аппаратуру и задействовал кота.

Телевизор, прогретшись, начал показывать Танец Маленьких Лебедей. Через минуту кадр сменился и Семен увидел... Серёгу! Он смотрел в камеру, постаревший, со шрамом на щеке. Генеральская форма со Звездой Героя. И взгляд, пронзительный и суровый, всепроникающий. Взгляд сильного человека с большой буквы Сэ.

Он начал говорить:

– Граждане Советского Союза! К вам обращаюсь я, генерал Трубецкой-Белый! Преступник Медынов, поставивший нашу великую страну на край пропасти, арестован и будет подвергнут военно-полевому суду. Власть в СССР принял Государственный Комитет по Чрезвычайному Положению, возглавляемый мной. В стране с шести часов утра сегодня, 19 августа 1991 года, вводится чрезвычайное положение. Временно приостановлено действие конституции... тр-rrr... введены танки... тр-rr... военно-полевые суды... тр-rr... комендантский час... тр-rrr прямые и всеобщие выборы... тр-rrr... процветание... тр-rrr искоренение преступности... тр-rrr... ещё не поздно... Клинок!

Картинка запрыгала, звук поплыл. Передача прервалась и изображение в глазах Васьки померкло.

– А, разьедрить тебя через конденсатор в щелочную батарейку паяльником ржавым! И без канифоли! – в сердцах выругался Семен, – Самое важное не дал досмотреть!

Он подождал ещё немного, но пошла дурацкая реклама стирального порошка. Пришлось остановить запись и разбудить кота.

Прослушал ещё раз магнитофонную запись. Что же получается, предотвратить приход Медынова к власти им не удалось? Или тут что-то другое? Возможно, Сергей, тот, из передачи, ничего и не знал о будущем? Другая линия развития истории, в той реальности события идут своим чередом... А если вмешаться, то история свернет на другой путь и этой передачи не будет! Семен, поразмыслив, пришел к выводу, что трансляции идут из будущего, в котором их вмешательства не было. Ведь даже знание грядущего – уже есть вмешательство в него. Семен попытался думать эту мысль дальше, но быстро запутался. Одно он знал твердо: Сереге эту запись показывать нельзя. Спрятав пленки, он покормил Ваську и пошел на работу.

К вечернему сеансу Сергей пришел мрачный и с чемоданом.

– Со своей, понимаешь, поцапался. Уж не хочет быть она царицей, хочет быть владычицей морскою, и чтоб золотая рыбка, то-есть я, был бы у неё на посылках!

– Переведи, не понял!

– Да, понимаешь, в академию-то, в Ленинград надо ехать, а моя – ни в какую: служи, говорит, здесь, у меня тут и родители, и работа, и подруги, и связи. Хочешь, говорит, езжай один – это на три-то года! – но тогда обратно не возвращайся.

– Думай, Сережа, думай, казак! Академию окончишь – атаманом станешь!

– Вот я и думаю: али я не весел, али не красив? Один не останусь, какие мои годы! А эта, за столько лет, мне даже дитё не удосужилась родить! Хочу, объясняла, для себя пожить! Не поверишь, без гондона ни разу не дала! Короче, я сегодня у тебя ночую, утром поезд.

– Лады!

Сергей достал из чемодана тонкую черную папку.

– Вот матерьяльчик на нашего товарища Мэ. Он – первый секретарь Краснодарского крайкома. Друг Леонида Ильича. Прохиндей и взяточник, куда там узбекам или грузинам, они и рядом с ним не стояли! Со всей своей вотчины взятки берет! Матерьял, оказывается, давно уже собран, только в дело его пустить руководство не могло: всё-таки личный друг самого Леонида Ильича!

Он положил руку на плечо Семену, заглянул в глаза:

– Завтра с этой папкой ровно в час дня будь на станции Студенческая, последняя дверь последнего вагона из центра. Связник будет в синем плаще и с такой же папкой. Сядете вместе в вагон и там обменяетесь. Всё.

– Я понял, Сережа... А кто он?

– Это мой человек, контакт с БиБиСи. Матерьял опубликуют на Западе, будет скандал. Медынова, конечно, не посадят, но из первых секретарей он наверняка слетит. И, уж генсеком точно не станет!

Закурив, он продолжил:

– Для тебя риск минимальный, связник чистый, как попа младенца, хвоста за ним быть не может, за тобой – тем более. Ну?

– Сделаю.

Вечерний сеанс преподнес сюрприз: поймался репортаж о кооператорах, делавших шашлыки из бомжей. Показали аккуратно разделанные трупы и пирамиду из голов в углу подвала. Семен, не досмотрев, убежал в сортир блевать. Когда вернулся, все уже закончилось. Серега сидел бледный.

– Всякое, блин, повидал, но, чтоб такое... Сеня, валерьянка есть?

– Не, откуда... Щас к соседке схожу.

Тенью скользнув за хозяином, Василий шмыгнул в открытую дверь и смылся гулять.

Вернувшись с пузырьком, Семен спросил:

– Тебе сколько капель?

– Дай, я сам...

Сергей трясущимися руками начал капать валерьянку в рюмку. Немного пролилось на лежащий на столе бумажник, но они этого не заметили. Успокоившись немного, Серега показал другу фотографию.

– Вот, посмотри! Это она, Катя.

Сеня всмотрелся. Красавица с пепельными волосами и огромными глазами улыбалась загадочно, чуть дразняще.

– Эх, какая у нас любовь была! А теперь прошла, завяли помидоры... Человек! Подавай водку, выпьем за отъезд! – Сергей спрятал бумажник.

– Это мы мигом, Ваше благородие! Не извольте сумлеваться, и грибков соленьких на закуску спроворю!

И они выпили за отъезд.

Нынче вечером Ваське не везло. Сначала обломалось свидание с хорошенькой рыженькой из восьмого дома, видно, хозяйка не пустила. Затем пришлось позорно бежать с гастрономской помойки, куда вдруг нагрянули ресторанские коты. Силы были уж очень неравны, а то бы порвал их одного за другим! И, в довершение непрухи, дворничиха Зульфия окатила из ведра грязной водой – как раз подъезд помыла! В общем, и холодно, и мокро, и киска не пришла... Куда податься? Домой...

Повопил немного под дверью. Уже улегшийся спать хозяин впустил Васю в квартиру и снова завалился спать, даже не взглянул на бедное животное, противный!

Сразу же учуялся божественный запах валерьянки. Как по ниточке, кот безошибочно подобрался к висящему на стуле пиджаку спящего Сергея. Встав на задние лапы, осторожно, зубами, вытащил бумажник и отволол его под шкаф. Там, счастливо урча, стал слизывать чудесный нектар. Сладкая волна ударила в голову и, затуманив на миг сознание, горячо разошлась по всему телу, до самых кончиков когтей. Это было вкуснее, чем любая жратва, приятней, чем самка, упоительней, чем победа над противником! Всё больше пьянея, Васька стал рвать когтями и зубами источник своего кошачьего счастья, тереться всем телом и глотать оторванные клочки. Через пару часов от бумажника и его содержимого не осталось ничего... Васька уснул там же, под шкафом. Он не почувствовал, как стальные острые скрепки сожженных документов пропороли кишечник и кровеносные сосуды. К утру он издох, не приходя в сознание.

– Проспали! Блин, уже шесть! – взревел Сергей, вскакивая с дивана.

Семен, стукнувшись спросонок босой ногой о ножку стула, зашипел от боли и бестолково заметался по квартире. Одевшись в полминуты, Сергей схватил чемодан:

– Бывай, старик! Если сразу тачку пымаю, успею на поезд!

– Счастливо! Звони!

В час дня Семен был на Студенческой. Связника определил легко, благо народу было мало. Сердце колотилось о ребра и во рту пересохло, как в пустыне, когда передавал папку, но все прошло гладко. Связник, не оборачиваясь, вышел на Кутузовской. Семен – на Филях. Дело было сделано, оставалось только ждать.

Глава одиннадцатая

За утерю партбилета и служебного удостоверения при неясных обстоятельствах Сергея исключили из рядов КПСС и уволили из КГБ.

– Потерял бдительность, чек-кист! А если они, документы, в лапы врагу попали? Да за такое, я тебя в тридцать седьмом лично расстрелял бы! – гремел начальник службы внутреннего расследования.

– А теперь что, патронов нету? – буркнул Сергей, которому терять уже было нечего.

– Шо-о-о?!

Короче, ещё и звездочку сняли, и отправили служить на дальнюю заставу. Китайская граница. Жена, к его удивлению, вскоре приехала и осталась жить.

История пошла своим чередом. Вскоре после описанных нами событий по БиБиСи транслировали убойный репортаж о коррупции в Краснодарском крае. В результате – многих партийных и хозяйственных чиновников посадили. Медынов уцелел, но его, как говорится, бросили на сельское хозяйство: заместитель министра плодородного хозяйства СССР.

А в 1985 году Генеральным Секретарем ЦК КПСС был избран Михаил Сергеевич Горбучев, моложавый, энергичный, говорящий без бумажки. Слова «гласность» и «перестройка» вошли без перевода во все языки мира. Эйфория от ожидаемых перемен захлестнула всю страну... Потом был Карабах, Баку, Тбилиси, Вильнюс... Все пошло вразнос, контроль над страной был утрачен. Нарождающийся капитализм тоже проливал реки крови, сколачивая первичный капитал. КПСС была полностью дискредитирована, партийцы публично жгли партбилеты, а члены ЦК выбрасывались из окон.

В августе 1991 года была попытка навести порядок в стране, но, без решительного лидера, способного довести дело спасения СССР до конца, провалилась через три дня. В результате, Советский Союз вскоре перестал существовать.

Эпилог

Сергей воевал восемь лет в Афганистане, был ранен в лицо, дослужился до подполковника, был награжден Звездой Героя. У них с Катей растёт сын. Назвали Семеном.

Семен, похоронив Ваську, долго горевал. Когда у дворничихиной кошки Гульнары родились котята (от Васьки, это было точно!), он взял всех четверых. Интересно, что они с раннего детства принимали радиоволны – тем короче, чем старше становились. Одного взяли Сергей с Катей, когда приезжали в отпуск. Остальных он воспитывает сам. Ему помогает жена Нина и сын Сережа.

Но никогда не смог Семен забыть Ваську, выбранного в подвале маленьким котенком ещё на последнем курсе.

Ведь в его зеленых глазах светился целый мир!

Веллингтон, июль 2009

Англичанка

– Ду ю спик англиш?

– Дую, но плохо!

Анекдот

Владеете ли иностранными языками?

1. Читаю со словарем

2. Читаю, могу объясниться

3. Владею свободно

(Нужное подчеркнуть)

Пункт из анкеты отдела кадров

От автора

Все персонажи, титулы, звания, географические названия, а так же синий цвет, есть вымысел Автора. Но замечательные люди существуют и в реальной жизни.

Глава первая

– Здравствуйте, дети! Я – ваша новая учительница английского языка. Меня зовут Лина Викторовна Шеремет.

Сорок пар глаз уставилось на училку.

«М-да, жили – не тужили!» – подумали мальчишки.

«Ничего, симпатичная!» – подумали девочки.

На английский всем было наплевать с высокого дерева. В жизни он не пригодится, как и алгебра. Но послушать можно, раз в школу приходится ходить.

– Вы, я так понимаю, уже изучали английский язык раньше, но у вас давно не было преподавателя. Сейчас я прочитаю стихотворение, что бы вы услышали как он звучит.

Стихотворение было не слишком длинным. Многим даже понравилось. Язык был на русский совсем не похож, но звучал интересно. Все заулыбались.

– Кто из вас знает, в каких странах говорят по-английски?

– В Англии! – застенчиво, со второй парты, Света Русакова.

– Правильно! Ещё где?

– В Америке! – с задней парты, самый взрослый, Володя Куркин.

– Молодец! Ещё где?

Класс молчал.

– Так вот, по-английски говорят ещё в Австралии, Канаде, Индии, Новой Зеландии, Южной Африке, на Ямайке, Тринидаде, в Новой Гвинее и множестве других малых стран. Кроме того, английский – международный язык. Куда бы вы ни попали, везде обязательно будет кто-нибудь, говорящий по-английски! К следующему уроку найдите на карте страны, о которых мы говорили, а теперь повторяйте за мной:

– Акенавиши!

Все хором повторили:

– А-ке-на-ви-ши!

– Теперь: Бриваниги!

– Бри-ва-ни-ги!

– И ещё: Онжимерга!

– Он-жи-мер-га!

– Отлично! Теперь я буду рисовать на доске и называть по-английски нарисованное.

А вы тоже рисуйте в своих тетрадках, как получится.

И обучение языку началось. На доске появлялся рисунок за рисунком, странные слова сопровождали их. Было, в общем, понятно и интересно.

Когда урок закончился, все так увлеклись этой игрой, что не хотели расходиться.

– Жаль, но пора расставаться. До завтра, дети!

Все хором попрощались.

– Ну, как ребятишки, Лина Викторовна? – сдвинул на нос очки завуч-директор Пётр Павлович Прыгин, преподающий по совместительству химию.

За глаза его дети звали Плюмбум, а взрослые величали Петропавлычем.

– Ой, дети замечательные! Они так увлеклись, расходиться не хотели!

Петропавлыч вздохнул:

– Трудненько Вам придётся! Сорок человек, от одиннадцати до пятнадцати лет возраст... Программа у всех разная... Но, что поделаешь, у нас не город. С жильем устроились?

– Устроилась, спасибо! Квартира отличная, соседка Рая сама предложила с моим парнем посидеть. Вот жду, когда вещи привезут, тогда совсем хорошо устроюсь.

– Что ж, рад за Вас! Раиса тетка хорошая, добрая, детей любит. Я договорюсь с председателем, чтоб её нянькой на полставки оформили, ну, и насчет дров на зиму. И мебелишку кой-какую...

– Спасибо огромное, Пётр Павлович!

– Ничего, англичанка, подходящая! Не давит, на мозги не капает, не орет. Сработаемся! Такое было мнение учащихся средней школы крымского села Каменка. Так все и началось.

Глава вторая

Весь следующий месяц продолжалась эта игра: рисунок – слово, рисунок – слово. Постепенно ученики начали сами называть предметы и действия. Затем Лина Викторовна стала рассказывать им истории – коротенькие, но забавные и интересные, артистически изображая всех действующих лиц. Затем, уже в третьей четверти, стала читать им книги, спрашивая по ходу чтения разные вопросы: где действие происходит, когда, кто и зачем. Ребята охотно втягивались в эту игру. Словарный запас рос, мысли свои они выражали все уверенней. Грамматикой и скучными упражнениями их никто не насиловал.

Коллектив принял новую учительницу английского хорошо. Женщины (все старше её) старались помочь, чем могли, постоянно звали в гости по разным поводам, жалели, что нет у бедняжки мужа и приходится растить сыночка одной. Мужчины же, понаблюдав, как она старается на работе и дома, единогласно вынесли приговор: справная баба!

От соседки-няньки Раи вся деревня вскоре узнала, что Лине Викторовне тридцать лет, что она вдова, и сынок Санька родился уже после смерти мужа. На начало учебного года ему, белобрысенькому, стукнуло два года.

Завуч-директор Петропавлыч, видя энтузиазм новенькой и очевидные успехи учеников, не мог нарадоваться своей удаче. Не выпускница института, мечтающая отбыть побыстрее свою ссылку в деревенскую школу по распределению, а женщина зрелая, ответственная. Такой кадр нужно беречь! Поэтому он тоже старался помогать – договорился с правлением насчет бесплатных дров и ремонта в доме. Дом был традиционно населяем учителями, но хозяева менялись довольно часто, поэтому руководство колхоза было радо пойти навстречу женщине обстоятельной и намеренной, судя по всему, задержаться надолго.

После занятий ученики часто провожали Лину Викторовну домой, задавая бесчисленные вопросы (уже – по-английски!).

– Лина Викторовна, мне мамка платье хочет купить, клетчатое, с бантом! Как думаете, мне пойдет?

– Клетчатое тебе пойдет, Катюша!

– Лина Викторовна, Лина Викторовна, а правда, что мальчишки... (далее – на ушко) хи-хи-хи?

– Ну, не все и не всегда, Света.

– Лина Викторовна, а как лучше прыщи свести, а то я с девчонками танцевать стесняюсь?

– Пойди в аптеку, купи салициловый спирт, протирай лицо утром и вечером. Запомнил, Коля?

– Лина Викторовна, я свечу поменял, а мопед не заводится...

– Так свеча не любая годится. Ты, Вова, проверь, какая старая была: с короткой юбкой или с длинной. Такую и ставь!

Невероятно, но она знала всё! Не было случая, чтобы вопрос остался без ответа!

Часто кто-нибудь из девочек напрашивался поиграть с Санькой. На это обычно возражений не возникало, но Раиса, одинокая тетка слегка постбалзаковского возраста, ревновала, так как успела полюбить «хлопчика» как родного.

– Дытыну трэба годуваты! Чекайте! – строго говорила она конкуренткам-школьницам. И те покорно ждали, пока Саня разевал рот и насаживал его на ложку.

– Санечка, что ты любишь кушать? – спрашивали его.

– Борщ! – отвечал карапуз, солидно хмурясь и двигая щеками.

– А ещё что?

– Галушки!

Это ответственное заявление почему-то всегда вызывало дружный смех, но парень не обижался. Поев, он с полчаса играл с гостями и матерью, затем серьезно протягивал всем руку и говорил:

– Лиг спаты!

После чего карабкался в свою кроватку и засыпал, засунув в рот большой палец. Замечательный ребенок!

Трудновато только было с гигиеной. Вселившись в дом и подружившись с Раисой, Лина спросила:

– А баня у вас тут есть?

– Ни, бани нема!

– А где же вы моетесь?

– Та, в речке ж!

– А зимой!?

– Ой, та скільки ж той зими! Ото ж в тазике.

Пришлось купить самую большую цинковую ванну, хотя, конечно, в словах Раисы был резон. Зима в Крыму короткая. И теплая. Так, поразмыслив, Лина, с помощью колхозного плотника (отца ученика Володи), установила во дворе ещё и душевую кабинку.

В общем, с бытом все наладилось. Пришел контейнер с вещами, из которых большинство были книги. Раиса дивилась:

– Неужто усе прочитала? Така прорва!

– Все, конечно! Это мои рабочие инструменты!

Весной, когда зацвели персики и сливы, все ученики свободно говорили и понимали по-английски. Мало того, дети из младших классов каким-то образом переняли от них это умение, и теперь на переменах английская речь звучала повсюду в школе. Лина продолжала читать в классе книги. Стихи Байрона, прозу Диккенса, Сомерсета Моэма и Джека Лондона... Дети жадно поглощали живое слово. Многие потом просили почитать дома, и никогда не получали отказа.

Однажды она прочла им «Ромео и Джульетту». Когда пьеса закончилась, все долго молчали. Затем кто-то из девочек протянул:

– Жалко... И чего они... Умирать-то, зачем? Можно было уехать куда-нибудь...

Вова Куркин пробасил:

– Здорово он Тибальда мечом-то! У меня, прям, мороз по коже прошел!

Разумеется, все это обсуждение шло по-английски. Лина улыбалась, слушая, как все заспорили, прав или не прав был отец Лоренцо, венчавший влюбленных тайно.

На следующем уроке Лина говорила о произношении и акцентах:

– Акцент, ребята, есть особенности произношения, свойственные населению данной местности. Все англоязычные народы придают акценту собеседника большое значение, так как могут определить, откуда человек происходит. Вы сейчас говорите с «нулевым» акцентом, или, это ещё называется БиБиСи-английский, так как это национальный стандарт произношения дикторов радио и телевидения Англии. Я думаю, интересно было бы научить вас имитировать и другие акценты?

И она, до конца учебного года, научила их говорить с оксфордским акцентом, на кокни, по-техасски и по-бруклински. Причем, все ребята могли свободно говорить, выбирая любой из акцентов.

В конце мая, с помощью председателя колхоза Кузьмы Трофимыча, похлопотавшего в Симферополе, Лина, на скопленные за зиму деньги, купила мотоцикл «Урал» с коляской. Когда с Раисой, когда с кем-нибудь из учеников, она ездила на море почти каждый день, благо Судак был всего в пятнадцати километрах. Там она подолгу плавала и ныряла с маской

под старой Генуэзской крепостью, а Санька строил песочные замки или плескался голышом на мелководье. Ни ребята, ни Раиса не одобряли этого.

– Лина Викторовна! Вода же холодная! Мы до июля, обычно, не купаемся! А Вы – часами в этих девятнадцати градусах! Смотреть холодно! – ворчал Володя Куркин.

– Ничего! Это – закалка! – смеялась учительница, втайне надеясь похудеть, ибо была она, скажем так, женщина полная.

– Линочка! Хлопчик уже увесь синий! А я не могу його вид воды оттащить! – кричала в другой раз, бегая по берегу и размахивая руками, Раиса.

Ничего не поделаешь, приходилось вылезать из моря и закапывать Саньку в горячий песок, чтоб согрелся. А он вырывался и хохотал.

Очень быстро они загорели, как приезжие отдыхающие. Местные не загорали, все лето оставались белыми, ибо ходили в длинных платьях и брюках. Редко кто носил рубашку с коротким рукавом.

Потом щедрое Крымское лето набрало обороты, вода в море потеплела, созрела черешня и вишня, потом персики и виноград... Хорошо быть учительницей, отпуск длинный!

Глава третья

В конце августа неожиданно заговорила по-английски Раиса. Она объясняла этот феномен тем, что Лина с Санькой говорили между собой на этом языке. Кроме того, в доме постоянно толклись ученики. Вот и нахватались! Сперва односложно, потом более пространно она выражала свои мысли на «аглицкой мове». Увидев её успехи в языке, Лина в несколько вечеров прочла Раисе «Джейн Эйр». Когда книга закончилась, в глазах у слушательницы стояли слезы.

– Надо же, какие у людей бывают... как это по английски, Линочка? Оу, йес, отношения! Как бы я хотела ещё что-нибудь такое, женское, почитать!

– Нет проблем, Рая! Сейчас я покажу тебе алфавит. Акенавиши! Бриваниги! Онжимерга! Вот, запоминай: Эй, Би, Си, Ди...

Роман Дафны Дюморье «Ребекка» (в оригинале) Раиса читала целый месяц. Прочитав, опять плакала над трудной женской долей.

Начался новый учебный год. Все собрались в классе веселые, отдохнувшие, подросшие. Поставив в банки подаренные букеты, Лина легонько вздохнула:

– Каникулы кончились, начинаем работать! К концу недели напишите, пожалуйста, сочинение на тему: как я провел лето. Это надо для отчета... А сегодня мы поговорим о сленге.

Мальчишки оживились и захихикали, девочки слегка засмутились.

Лина погрозила мальчишкам пальцем:

– Сленг – это не только бранные и грубые слова, хотя без них словарный запас не полон. Это ещё и узкоспециальный... как бы, язык в языке разных групп общества. Есть молодежный сленг, есть профессиональный сленг, есть сленг у преступников и военных... Даже английская королева использует особый, дворцовый сленг! Ну, интересно?

– Интересно, Лина Викторовна!

– Тогда – вперед!

По-прежнему, она читала им книги: Герберта Уэллса и Конан-Дойля. Кроме того, приносила в школу газету английских коммунистов «Морнинг Стар» и московскую «Москоу Ньюс» – единственную периодику, на которую можно было подписаться в семидесятых.

Из учителей уже в сентябре заговорил по-английски преподаватель физкультуры и труда Анатолий Степанович Луценко. Сначала речь его звучала странновато: этакая смесь английских и русских слов. Он объяснял это тем, что на его уроках, играя в футбол или баскетбол, школьники громко галдели на английском. Вот, дескать, и набрался!

– Трак надо мэйнтеинить регулярно, а то ворронт оф фитнесс не получишь! – заявил он однажды водителю ГАЗ—51 Грише Рыбалко.

Как ни странно, тот понял, что грузовику надо регулярно делать техобслуживание, а то техосмотр не пройдешь. Задетый за профессиональную честь Гриша ответил простыми и древними выражениями, пришедшими в русский язык от татар, но, почему-то, под конец обозвал Анатолия какой-то мазафакой.

– Не, ты, Гриша, не джентльмэн! – грустно резюмировал физкультурник.

Затем похожая история произошла в учительской. Уборщица тетя Лена, присев к столу Петропавлыча, выдала:

– Чтой-то у меня чилдренята засикинели, хочу к доктору забуковаться! Можно, я опосля ланч-брэйка уйду?

Петропавлыч ощутил легкое беспокойство, хотя просьбу и понял.

– Вы можете идти, миссис Иванова, – разрешил он на кокни (диалект Лондонской бедноты). Этот говор он подцепил у дочки Наденьки, которая по целым дням распевала старые моряцкие и пиратские песни, например:

Галеон удрать пытался к берегу чужому!
Мы его на раз догнали,
Жемчуг, золото отняли,
Йо-хо-хо-хо-хо-хо-хо, и бутылку рому!

(перевод Автора).

Девочка, вообще, любила море и корабли, и постоянно рисовала морские батальные картины – Айвазовский завистливо сопит в сторонке. Сейчас она дочитывала рассказ Артура Конан-Дойля «Как Копли Бэнкс прикончил капитана Шарки».

Петропавлыч, поймав себя на мысли, что английская фраза вырвалась у него совершенно произвольно, задумался над этим, но объяснения не нашел. Просто вся деревня увлеклась английским.

Вечером, по пути домой, он услышал, как дед Мокей, участник гражданской войны и, в частности, битвы за Перекоп (правда, на стороне барона Врангеля!), нетрезвым голосом разъясняет козе Машке:

– Вот, неопределенный артикль «Э», стало быть, надо ставить, ежели просто так козёл, любой. А ежели конкретный козел, скажем, Борька, или этот... с Мельниковки... то надо ставить «Зэ», определенный артикль! Поняла, дура?

– М-м-ээ!

И пошло, и поехало, и понеслось, как ком с горы!

Приходит, например, домой с работы механизатор Никифоров и спрашивает жену (по английски!):

– Что мы имеем сегодня на обед, дорогая?

А она ему:

– Ростбиф с отварным молодым картофелем и укропом, а на десерт – сливовый пуддинг, сэр!

– Оу, йес, это просто замечательно, но перед обедом я хотел бы стаканчик «Лунного Сияния» и ломтик бэкона, пожалуйста!

То-есть, самогонки и сала на закуску. (Муншайн – Лунное Сияние – Самогонка.)

И все это на добротном английском, которому впору позавидовать выпускникам иных институтов! Нет, конечно, родной русский или украинский никто не забыл, но такая пошла мода, что ли, в деревне – по английски общаться. Странная, короче, ситуация.

Кузьма Трофимыч, идя на встречу пожеланиям трудящихся, поехал в Симферополь и выпросил пару индийских (других просто не было) фильмов на английском, с русскими субтитрами: «Месть и Закон» и «Зита и Гита». Народ наслаждался ими целый месяц и выучил наизусть.

Между тем, учебный год шел своим чередом. Кроме английского ребятам приходилось учить и другие предметы. Как ни странно, по нелюбимой математике и физике успеваемость сильно улучшилась. На уроках пения Наталья Васильевна разучивала с хором песни квартета «Битлс». Особенно хорошо получалась песня «Йистердэй», которую дети пели на три голоса. А сводный оркестр деревни, игравший по праздникам и воскресеньям, а так же на свадьбах и похоронах, разучил с её же помощью марш «Жёлтая подводная лодка».

Историк Пименов на факультативе читал курс истории средневековой Англии. Под это дело все прослушали роман Стивенсона «Черная Стрела», который читали вслух по оче-

реди. Большая, два на полтора, карта Британии была вся испещрена пометками и утыкана булавками с флажками. На уроках труда, да и в свободное время, Анатолий Луценко руководил выделкой рыцарских лат, мечей, щитов, луков и арбалетов. Весной устроили соревнования по стрельбе из всего этого, которые перетекли в костюмированный праздник. Участвовала вся деревня! Лина Викторовна сияла, глядя на своих учеников в сверкающих доспехах и девочек в средневековых нарядах, пошитых на уроках домоводства с её помощью. Мы забыли сказать, что она, по совместительству, вела еще и этот предмет. Дело приятное, и, опять же, денежки не лишние!

Подросший Санька кувырчался тут же, одетый в костюм средневекового шута и колпак с бубенчиками, и всех смешил.

В общем, праздник удался на славу!

Глава четвертая

Наступил май. Пятеро выпускников, превзошедших программу десятого класса, готовились к экзаменам. Петропавлыч провел с ними беседу, ещё раз подчеркнув важность получения аттестата зрелости.

– Закончите школу, получите аттестат... да перед вами все пути откроются! Хоть на завод, хоть в институт, хоть в военное училище! Ну, и у нас в колхозе дело найдется, а как же!

Лина так же провела беседу, в ракурсе экзамена по английскому.

– По моим данным, приедет комиссия из Симферополя. Вам надо будет выучить текст «Лондон» и ещё «Москва». Вопросы будут задавать исключительно по этим темам.

Увы, Володя Куркин не расслышал этого наставления! Он был поглощён созерцанием Светочкиного затылка, вернее, завитком светлых волос, сквозь который просвечивал лучик солнца, делая его золотым. Это зрелище совершенно заворожило его. Он уже полгода был влюблен, но говорить с ней об этом стеснялся. Очень, знаете ли, трудно говорить о своих чувствах с человеком, с которым дружишь с детского сада и всю школу просидел на соседней парте! Бывало, и поколачивал раньше вредную девчонку, и за косы дёргал, а то и спасал, когда тонула в море (ногу судорогой свело!). Сейчас она казалась ему самой прекрасной в мире. А заговорить... слова на ум не шли. И времени уже, считай, не было: уже исполнилось восемнадцать и сразу после окончания школы ждала армия. Тянуть до осеннего призыва Володя не хотел, вот и договорился с военкомом, чтоб сразу, ибо в весенний призыв была разнарядка в морскую пехоту.

«Надо с Линой Викторовной посоветоваться. Она мудрая, подскажет. Не уходить же в армию, не объяснившись!»

Света тоже испытывала чувство беспокойства. Неужели Вовка так ничего ей и не скажет до ухода в армию? Таращится только своими глазами... Неужели не видит, противный, что у неё, при одном на него взгляде, прямо ноги подгибаются? Да, она треснула его портфелем по голове, когда он подставил ей ногу и она чуть не упала и порвала колготки. Но, ведь, это еще в восьмом классе было! По ночам она мечтала, как однажды он обнимет её своими сильными руками, поцелует... Что потом, она додумывать боялась. Его запах молодого мужчины, такой притягательно-волнующий, она чуяла сейчас даже через три парты.

«Надо с Линочкой Викторовной поговорить. Может, посоветует, как его на разговор вызвать!»

После работы Лина зашла в магазин, купить подсолнечного масла и риса. Продавщица Зина при виде учительницы обрадовалась:

– Ой, Линочка Викторовна! Такое Вам большое спасибо за моего Ника! Ведь не куда нибудь, а в институт военных переводчиков собрался поступать!

– Я знаю, Зина. Это хороший выбор, интересная работа. Он будет настоящим специалистом.

– А не трудно ему будет другие языки изучать?

– Нет. Любой – арабский, китайский, испанский, он теперь выучит легко. Если будет заниматься усидчиво, конечно. А за Вас лично я рада: вы теперь совсем бегло говорите! Только следите за интонацией, музыкальностью фразы, где надо, не забывайте повышать или понижать. Помните фильм «Моя прекрасная Леди»?

– Вау, я его шесть раз смотрела, каждый раз спать потом не могла!

После магазина, придя домой, она обнаружила сына в обществе Нади Прыгиной, дочери Петропавлыча. Парень, пыхтя от сосредоточенности, возюкал кисточкой, рисуя синее море и остров с пальмой.

– Здорово получается, сынок! А что это, такое большое и круглое, на пальме висит?

– Мам, как ты не понимаешь! Это же кокосовый орех! У Нади корабль шторм потопил, а люди на мой остров приплывут, и им будет, что покушать! – рассудительно объяснил Саня, размазывая синюю краску по рожице.

– Поняла! А почему орех такой большой?

– У меня на острове год урожайный! – гордо ответил юный художник.

Лина улыбнулась и потрепала его по непослушным вихрам. Мелькнула мысль: «Зарос совсем, пора стричь на лето!». Подошла к Надиному мольберту: там тонул фрегат, разбившийся об острые скалы. Люди, цепляясь за обломки, плыли куда-то, наверное к Санькиному острову. Все было реалистично и профессионально исполнено.

– Через год, куда поступать будешь, Надюша?

– В Строгановское, на живопись, Лина Викторовна!

– Я тебе завидую, Наденька. Хотела бы я так рисовать!

Надя застенчиво улыбнулась и слегка покраснела.

Вечером, уже в сумерках, пришла Света.

– Здравствуйте, Лина Викторовна!

– Виделись уже сегодня! Садись.

Света неловко присела на краешек стула.

– Я... посоветоваться пришла, Лина Викторовна...

– Знаю, насчет чего. Ты ему в глаза посмотри, там все увидишь. И он сразу скажет тебе самые главные слова!

Света стала совершенно пунцовой.

– Откуда... Вы знаете?

– Вау, я все про вас знаю! – Лина привлекла её к себе и легко поцеловала в висок, – Иди! Сегодня все будет!

Света опрометью выскочила на крыльцо, остановилась на минутку отдышаться. Сердце билось часто-часто. Сегодня! Все будет! Лина сказала! Уж она зря не скажет...

Примерно через полчаса пришел Володя.

– Поговорить пришел, Лина Викторовна... Не знаю, как со Светкой быть. Много чего сказать ей надо, а не получается у меня...

– А ты не говори много, а возьми её за руку, и сразу все получится.

– Так... просто?

– Непросто! Но у тебя получится! Сегодня. Иди к ней, Володя!

Парень вышел на улицу, посмотрел на небо. Крупные звезды мерцали низко-низко, подмигивали ободряюще:

«Сегодня! Обязательно сегодня! Лина зря не скажет...»

Они встретились, не сговариваясь, под большим платаном позади клуба. Света, выйдя из темноты на освещенный луной пятачок, не опустила голову, но посмотрела Володе прямо в глаза. Действительно, что-то там было видно! Что бы разглядеть хорошенько, она сделала ещё шаг навстречу. Он протянул руку и взял девушку за запястье. Кожа была нежная и теплая. Света, не отнимая руки, продолжала смотреть ему в глаза. Внезапно все колебания, сомнения и неуверенность в себе исчезли.

– Я люблю тебя, Света! – почти прошептал Володя, и барьер был сломан.

Глаза его любимой сделались огромными, звезды отразились в них, как в озерах. Через мгновение они неумело поцеловались.

Глава пятая

И вот наступил день экзамена по английскому. Комиссия из трех Симферопольских педагогов уже заняла места за столом в актовом зале. Лина делала последние наставления:

– Отвечайте не очень быстро, старайтесь говорить с русским акцентом, короткими фразами. А то они могут растеряться и снизить оценку.

– А с русским акцентом, это как, Лина Викторовна?

– Г-м, действительно... Ладно, говорите с индийским, сойдет!

Володя Куркин отвечал предпоследним. Трое перед ним получили заслуженные пятерки без всяких осложнений в процессе ответа.

Рассказав комиссии правила образования вопросительной и отрицательной формы в настоящем времени, и написав коротенький диктант, он уже не ждал никаких подвохов. Но не тут-то было!

– Расскажи, что ты знаешь о Лондоне! Какие там основные достопримечательности?

И Володя вспомнил, что текст про Лондон он не прочитал! Попытался вспомнить хоть что-нибудь из книг и фильмов, но увы!

– Там... эта... река Темза... Ещё часы Биг Бен... Королевский дворец...

Он сконфуженно умолк. Ничего другого он не помнил.

– М-да, маловато, молодой человек! А ведь Лондон – столица Великобритании! Что такое Вестминстерское Аббатство, а?

– Типа, церковь ихняя...

– А как называется королевский дворец?

Экзаменуемый вспотел и пожал беспомощно плечами. Он знал это раньше, но от волнения забыл напроць, ну, вылетело из головы!

– Значит, текст про Лондон мы не знаем... Жаль, ведь начал так неплохо! И произношение хорошее... Я думаю, достаточно, товарищи? Твёрдая тройка!

– Да, тройка!

Володя был потрясен. По английскому – три балла? По любимому предмету?! Но сделать уже ничего было нельзя. Опустив голову, он вышел из зала.

– Ну, что? – кинулся к нему друг Никола.

– Трояк...

– Трояк?! Лина Викторовна! У Вовки – трояк!

Подбежала Лина. В глазах её светилось недоумение.

– Как? Почему? Что ты не ответил?

– Про Лондон...

– Разве ты не читал текст?

Володя мотнул головой. Стыдно было необычайно!

– Ну, ничего... Можно договориться о пересдаче...

– Нет! – с отчаянием возразил Куркин, – Уже некогда! Я завтра в армию ухожу! Простите, Лина Викторовна!

Невыносимо было, что все смотрят на него с жалостью. Повернувшись, он выбежал из школы. Никто не пытался его задержать. На следующий день он уехал в Симферополь, в военкомат. Взяли в морскую пехоту, как и надеялся.

Глава шестая

Через несколько месяцев, когда уже была принята присяга, к Володе, переписывающему чужой конспект по Истории КПСС, подошел дневальный, сержант Реутов:

– Рядовой Куркин!

– Я!

– К комбату! Бегом, марш!

– Есть!

Отличник боевой и политической подготовки, морской пехотинец первого года службы, Володя Куркин рысью побежал в штаб.

Комбат сидел с каким-то незнакомым армейским капитаном.

– А вот и он!

– Рядовой Куркин по Вашему приказанию...

– Отставить! Вольно! Садись, поговорим.

Армеец пошелестел бумагами, поднял голову, улыбнулся:

– Что ж, Владимир Иванович, спрошу прямо: не хотите ли связать свою жизнь с армией? Не остаться на сверхсрочную, а стать офицером?

– Это... в морской пехоте?

– Необязательно.

Володя, почти не раздумывая, ответил:

– Так точно, хочу! Но я не готов поступать в военное училище, не решил, в какое.

– Есть мнение направить тебя в... спецшколу. Там будешь продолжать службу и проходить спецподготовку. Если сдужишь и сдашь все экзамены, будешь офицером. Останешься доволен. Если нет, то просто демобилизуешься в срок. Учеба нелёгкая: и физподготовка, и... э... спецдисциплины. Иностранный язык, опять же. Ты, я вижу, в школе английский учил?

– Так точно!

– Тройка, конечно, оценка невысокая... Не любил, что ли, этот предмет, а? Других-то троек в аттестате нет!

– Случайно получилось, товарищ капитан.

– Значит, договорились! Напишешь рапорт о зачислении, я продиктую...

Так Володя попал в... э-э... секретную спецшколу.

Тестирование по английскому языку проводил пожилой дядька в штатском, седой, стриженный бобриком.

– Ну-с, курсант, расскажите мне о Вашей школе, о семье.

Английский у него был безупречный, с выраженным акцентом жителя Новой Англии, типичный янки. Володя и сам так мог. Озорства ради, заговорил с техасским акцентом:

– Школа наша небольшая, хотя и десятилетка. А находится школа в деревне Каменка, в Крыму. У меня были очень хорошие учителя...

Лицо преподавателя вытянулось.

– Погоди-погоди... Говоришь ты бегло... Жил в Техасе?

– Нет, сроду с деревни не выезжал.

– Откуда же акцент?

– В школе научили. Да я не только по Техасски, я по разному могу.

Эту фразу он проговорил уже с ямайским прононсом. Преподаватель побледнел.

– Ещё!

– Ну, батька у меня плотник, мамка – виноградарь. Братьев и сестер нет. (Все это на кокни).

– Посиди здесь! – приказал штатский слабым голосом, и выбежал из кабинета.

Вернулся вскоре ещё с двумя дядьками, тоже в штатском. Втроем они пытали Володю три часа. Выяснилось, что он свободно говорит по-английски, употребляя более тридцати акцентов, и пользуясь адекватным для каждого словарным запасом. На вопрос, кто его учил, честно ответил, мол, Лина Викторовна Шеремет. Они переглянулись и пожали плечами. Явно про неё не слышали. В рассказ о том, что вся деревня говорит по-английски, явно не поверили.

– Идите, курсант! Будем разбираться! – велели ему наконец.

В дверях он услышал:

...феноменально! ... невероятно... срочно выяснить...

Ухмыльнувшись, пошел в казарму, писать письмо Свете.

В сентябре Лина получила письмо из Москвы от Кати Смирновой.

«Здравствуйте, дорогая Лина Викторовна! У меня новость: я поступила в ИнЯз имени Мориса Тореза! И даже общежитие дали! Сочинение – пять, история – пять, география – пять, английский – пять! На экзамене и на собеседовании я говорила с оксфордским акцентом, как Вы и советовали. Они все долго не могли поверить, что я из деревни, а не дочь дипломата! Я им рассказала про Вас, как Вы нас учили, сначала по рисункам, затем по книгам. Они сказали, что им такая методика неизвестна. И про то, что у нас в деревне все говорят по-английски, тоже не поверили...»

Дочитав письмо, Лина грустно улыбнулась. Она и сама не поверила бы, если б ей такое рассказали.

Глава седьмая

- Лиз!
- Что, дорогой?
- Представляешь, в Крыму, в одной небольшой долине, в тупике, куда ведет только одна дорога, есть деревня, где все говорят по нашему! Какая-то простая учительница старших классов ухитрилась заинтересовать и обучить две тысячи с лишним местных жителей, не считая учеников!
- Это интересно, Фил! Откуда сведения?
- От сотрудника БиБиСи в Москве. Я рассказал Чарли, он заинтересовался и хочет это проверить.
- Да, конечно! Надо же, целая деревня!

Генерал госбезопасности Карпенко стоял по стойке «Смирно» и поедал глазами высокое начальство. Начальство скомандовало «Вольно» и задумчиво спросило:

- А знаешь ли ты, Карпенко, кто такой мистер Чарльз Винззор?
- Н-нет, Юрий Владимирович!
- Стыдно не знать такого человека. Он обратился в наше посольство в Лондоне с просьбой посетить Советский Союз, в частности, Крым, деревню Каменка.
- Простите, Юрий Владимирович, я недопонимаю. Это же не Ваш уровень! Ну, подал англичанин заявление на визу... Если все в порядке, он её получит. Или он... наш клиент?
- Нет, Карпенко, неправильно думаешь. Он, всего лишь, наследник престола.
- ...???!!!
- Просится с неофициальным визитом. На тебе – утверждение маршрута, охрана, питание... в общем, всё!
- А... деревня? Что ему там надо?
- Этим будут заниматься другие. Тебя проинформируют о результатах. Иди, работай!
- Слушаюсь!

Председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Антропов задумчиво рассматривал маленький кружок на карте Крымского полуострова. Завтра он будет знать все об этой деревне.

Старший лейтенант госбезопасности Никольский вошел в деревню Каменка пешком, чтобы не привлекать лишнего внимания. Одет он был как турист, в кеды и ветровку, за плечами умеренно потрепанный рюкзачок. Крымская войлочная шляпа лихо заломлена на голове. Проходя мимо почты, увидел двух дедков. Это были дед Мокей и дед Панас, друзья не разлей вода. Панас тоже был участник Гражданской, но воевал за красных. Зато в Великую Отечественную они с Мокеем сражались в одном партизанском отряде. Сейчас, не замечая постороннего человека, деда ругались.

- А я тебе говорю, что «Муншайн» – это из ячменя!
- Понимал бы что, ты, маленький кусок какашки! Из ячменя – это виски!
- А из ржи, по-твоему, что, кровавый ты ублюдок? Не «Муншайн»?
- Из ржи – ржаное виски!
- А из персиков?
- Из персиков – персиковое брэнди!
- Ха-ха, из персиков – это «Мампор»! Я у Уилбура Смита читал! Понял, ты, большое животное?
- Сам ты сука на колёсиках! Вот, как раз, Линочка идёт, пусть рассудит!

Выслушав высокоучёный спор стариков, Лина разъяснила:

– Джентльмены! «Муншайн» – это любая самогонка из пророщенного зерна. Настоянная в дубовых бочках, она, соответственно, становится виски – ячменным, или ржаным, или пшеничным. Что же до персиковой самогонки, то она имеет два названия: персиковое брэнди и мампор. Последнее название взято из языка Африкаанс.

Ноги старлея приросли к земле! То, чему он был свидетелем, не укладывалось в голове: два ветхих деда свободно чирикали по английски, вворачивая, к тому же, такие выражения, что он и на спецкурсе не встречал! И эта молодая женщина, к которой они обратились со всем возможным почтением, отвечала им на том же языке! Сделав мысленную пометку, пошел дальше, в сторону магазина. По дороге встретил стайку девчушек, щебетавших тоже по английски о мультике «Ну, погоди!».

– А Волк-то, ка-ак шмякнется задницей на ёжиков! Ха-ха-ха!

– Ага, а потом, ка-ак завопит! А зайчик потом его пожалел, помнишь?

– Оу, йес!

Дети изумили его не менее, чем старики. Войдя в магазин, он увидел, как тетка в белом халате считает что-то на счётах.

– Мне бы боржому пару бутылочек и беломора пачку! – робко обратился к ней старлей по русски.

Она поняла, но крикнула в глубь подсобки по английски:

– Мадам Зимняя! Обслужите туриста, пожалуйста!

– Вам что? – безразличным тоном спросила вышедшая на зов Зина.

– Пожалуйста, две бутылки боржома и беломор.

– Девяносто две копейки.

Он положил на прилавок рубль, и, получив вместо сдачи четыре карамельки «Барбарис», спросил:

– А, что это вы все по английски говорите?

– Привыкли так! – пожала полными плечами Зина Зимняя.

«М-да, вот всё и разъяснилось! Привыкли они, понимаешь!» – иронически улыбнулся Никольский.

Походив по деревне ещё некоторое время и посетив правление, он, выяснив все, что надо, незаметно исчез.

Юрий Владимирович прочитал донесения старшего лейтенанта Никольского и еще двоих агентов, действовавших независимо. Они, якобы, заблудились и у них забарахлила машина, что дало им возможность слоняться по деревне и задавать вопросы. Итог был такой: все жители Каменки, числом 2580 человек, не считая не говорящих ни на каком языке младенцев, свободно (!) говорят по английски, предпочитая его родному, утверждая, что это некая мода. Началось это приблизительно два года назад, после приезда новой учительницы английского языка Шермет Лины Викторовны, тридцати двух лет. Вдова, имеет сына Александра четырех лет. Образование: структурный лингвист. Специализация: английский, история индо-европейских языков. Ранее проживала в Москве, выезжала с мужем в длительную командировку по изучению древних индо-европейских культур в Северную Индию, Гималаи и Тибет, где муж и погиб в результате несчастного случая. Распространение английского языка в деревне началось с детей – учеников означенной гражданки Шермет, затем распространилось на учеников младших классов и школьный персонал, впоследствии, по типу цепной реакции – на родителей и прочих обитателей деревни. Среди населения Каменки имеется выраженный интерес к Британской культуре, в частности – к средневековому периоду истории. Практикуются так называемые ролевые игры и костюмированные фестивали.

– Прямо секта какая-то! – пробурчал себе под нос Антропов, – Английский язык, понимаешь... и мадам Шеремет – пророк его!

Он положил папку и задумался, слегка барабанил пальцами по подлокотнику кресла. Отпил чаю с лимоном, чтобы легче думалось. Что-то здесь было... Что-то очень полезное, очень нужное... государственное! Но что – он пока не придумал. Ясно было одно: необходимо установить самое пристальное наблюдение за деревней вообще и этой, Л. В. Шеремет, в частности. Особенно в ракурсе предстоящего неофициального визита Принца.

Глава восьмая

Советское государство никогда не скупилось, если нужно было пустить пыль в глаза, тем более, такому важному гостю, как заморский принц. На деревню, прямо-таки, пролился рог изобилия! Перво-наперво, вместо разбитой грунтовки, в Каменку проложили гладкий, как зеркало асфальт. Затем отремонтировали все дома и заборы, выпололи сорняки и насадили розы и кипарисы. При школе построили бассейн, а всем домовладельцам выдали центробежные насосы, чтобы создать видимость водопровода. Возвели также ударными темпами баню, которую председатель Кузьма Трофимыч тщетно выпрашивал у симферопольских бюрократов уже двенадцать лет. В общем, не деревня стала, а конфетка, этаким райский уголок в живописной горной долине. Народ не знал, смеяться или плакать от внезапно привалившего счастья. Несколько рабочих подали заявления о вступлении в колхоз и были с радостью приняты на общем собрании, ибо рабочие руки всегда нужны. Между нами говоря, почти все они были «конторские», но двое – простые работяги, которым в обновленной деревне просто понравилось.

Все уже знали, что до приезда мистера Чарльза Винззора осталось менее месяца: Лина на общеколхозном собрании зачитала его письмо, где он выражал симпатию и поддержку делу массового изучения английского языка жителями деревни и обещал внести в это личный вклад.

– Качать её! – крикнул кто-то из адептов Британской культуры, кажется, шофер Гриша, когда чтение письма закончилось.

Лина не успела увернуться и, визжа, взлетела в воздух несколько раз. Хорошо, что была в брюках!

К приезду высокого гостя было решено приурочить костюмированный бал и рыцарский турнир.

Глава девятая

И вот наступил день, когда в Симферопольском аэропорту приземлился небольшой частный самолет высокого гостя. Мистер Винззор и трое сопровождающих сошли по трапу на гостеприимную Крымскую землю. Согласно предварительной договоренности, их встречал только генеральный секретарь КП Украины с полудюжиной инструкторов и референтов, первый секретарь Симферопольского обкома КПСС с заместителем и двумя референтами, глава областного КГБ с заместителем, двумя офицерами и взводом солдат на всякий случай, председатель областной профсоюзной организации с тремя освобожденными членами, а также директор областного общепита с тремя грудастыми красавицами в национальных Крымских нарядах (это как это?) и хлебом-солью на подносе с расшитым рушником. То есть, народу, не считая корреспондентов, было всего ничего. Визит-то, неофициальный!

Мистер Винззор принял хлеб-соль и выслушал приветственные речи, которые длились недолго – всего-то часок. После этого он выступил с кратким ответным словом, поблагодарив за теплый прием. Затем он и его три сопровождающих сели в такси, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Конечно же, за рулем был водитель от конторы, но куда ж денешься! Согласно той же договоренности, машина с гостем отбыла в Каменку без сопровождения. Стояло лето, погода была прекрасная, охрана была замаскирована на маршруте.

В Каменку они въехали полтора часа спустя. Выйдя на центральной площади у правления, с любопытством огляделись: их встречал Кузьма Трофимыч, одетый в средневековый костюм бургомистра, и даже с сияющей золотом анодированной цепью на шее. Рядом стояли члены правления и все остальные жители Каменки – кто в чем: в кафтанах средневековых горожан, в кольчугах и шлемах, в длинных платьях со складками и плащах. Невдалеке на гнедом мерине Мазуте трюхал рыцарь в латах, совсем, как настоящий. Атмосфера была выдержана! Оркестр грянул «Желтую Подводную Лодку».

Гости тоже приоделись ради праздника: на мистере Винззоре был светло-зеленый камзол и штаны в обтяжку, причем правая штанина была зеленая, а другая – фисташковая, в полосочку. На ногах были башмаки с серебряными пряжками и загнутыми носами. Секретарь, жилистый высокий дядька под пятьдесят, был одет в костюм богатого купца: фиолетовый бархатный плащ и берет с шикарным пером. Охранник носил лохмотья Лондонского нищего, которые из-за заплаток были прекрасным камуфляжем (на всякий случай). И даже официальный переводчик из Москвы (как же без него!) вырядился в коричневую монашескую рясу и сандалии – в спешке ничего более другого не нашлось, зато дешево и сердито!

После взаимных приветствий и рукопожатий, гостей пригласили закусить, чем областная продуктовая база послала, согласно утвержденному Москвой (в лице товарища генерала Карпенко), списку продуктов. Все непринужденно уселись за столы под открытым небом. Автор не будет здесь перечислять угощения, достаточно сказать, что колхозные повара превзошли самих себя. Гостям налили вина и похвастались, что оно с собственных виноградников. Вино было легкое и вкусное. После третьего стакана (да, пили из граненых стаканов, где столько хрусталя набраться!) секретарю было дано указание закупить этих вин сколько продадут.

– Где же виновница торжества, мадам Шеремет, которая вдохновила всех на этот праздник? – спросил принц-инкогнито у Кузьмы Трофимыча.

– Да вот она, напротив Вас сидит! – ответил председатель на своем кокни.

Чарльз поднял глаза и увидел улыбающуюся даму в высоком готическом головном уборе с вуалью. О платье автор может только сказать, что оно было красивое и элегантное. Даме было около тридцати. Милое лицо с ямочками на щеках, большие карие задорные глаза и густые красивые брови, улыбчивый рот с полными яркими губами.

– Искренне рад познакомиться с Вами, мадам Шеремет! Это большая честь для меня!

– Я также рада нашему знакомству и тому, что Вы нашли возможность посетить нас, мистер Винзор! И зовите меня, пожалуйста, просто Лина!

– Ну, тогда и Вы зовите меня просто Чарльз! – рассмеялся заморский гость облегченно, не чувствуя между собой и этой женщиной никакой фальши и натянутости.

– И очень даже хорошо! – широко улыбнулась Лина.

– Бургомистр Кузьма намекнул мне, что вечером будут танцы. Вы позволите мне пригласить Вас на первый вальс?

– С удовольствием... Чарльз!

Тут их прервали. Около Чарльза появился Санёк в костюме шута и колпаке с бубенчиками. Дернув его за рукав, он категорически заявил басом:

– Подарок дай!

Под дружный хохот к нему кинулась Раиса.

– Алекс! Следите за своими манерами!

Парень серьезно глянул на свою няню и сказал тоном ниже:

– Мистер, подарок дай!

Подумал, и добавил:

– Пли-из!

Готовый к такому обороту дела, Винзор дал знак охраннику и тот принес дорожный кофр. Из него гость достал и вручил Сане обалденный пароход с большими колёсами по бокам, трубой и блестящими якорями. Надпись на борту гласила: «Кинг Элвис Пресли №1».

Схватив подарок, счастливый пароходовладелец удрал, не поблагодарив. Лина с Раисой хором извинялись. Чарльз хохотал. Секретарь не сводил глаз с Раи. Она тоже пристально глянула на импозантного симпатичного мужчинку и приняла слегка кокетливую позу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.